

После

Александра Гейл

Не вместо

«Литнет»

Гейл А.

Не вместо / А. Гейл — «Литнет», — (После)

— Это ведь не ты ублажала новенького в общественном туалете? — Нет. — И почему тогда не расскажешь? Весь университет думает, что ты. — Никто не поверит. Потому что дочка ректора и новенький — бомба, а какая-то волонтерка и новенький — ужасно скучно. К тому же, этот парень знает, что сделал мой брат. Одно его слово — и моя семья пойдет ко дну. ХЭ Это история ""красивого"" близнеца из ""Чужой"" !Независимая история!

© Гейл А.

© Литнет

Содержание

1. Нескромные проявления женских уборных	5
2. Достучаться до Зака Эммерсона	8
= Полтора года назад	10
3. Случайности не для слаонервных	13
4. Лекарство от головной боли	15
5. Папа, Майлз и прочие неприятности	18
6. Бартер и мини на миндальном молоке	20
7. Спорткомплекс открыт для студентов всегда	24
8. Нетривиальный торг под музыкальное сопровождение	27
9. Серфинговый соучастник	32
10. Мы больше никогда не	34
11. Бордель Масконо	37
12. Самолюбие	40
13. Запутавшаяся в рыболовной сети	43
14. Пловец, доктор и ожидания	45
15. Зачем переезжать из Бостона в ЛА	48
16. Расследование, реанимация и разные реакции	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Не вместо

Автор: Александра Гейл

1. Нескромные проявления женских уборных

Стефан

Не уверен, что это правильно, но мое знакомство с новым университетом начинается с дальней кабинки женского туалета, в котором девочка ярко-голубыми глазами лани заглядывает прямо в душу, заглатывая мой член. Такова моя попытка сделать этот «чудесный» день чуточку более выносимым.

Впечатляющие слухи о семье Фейрстах перелетели через все Соединенные Штаты, заставив ректора Калифорнийского университета озадачиться вопросом, стоит ли зачислять столь неблагонадежного молодого человека в ряды своих студентов. И половину первой пары, пока другие ребята грызли гранит науки, я держал ответ перед доктором Генри Абрамсом, в последний момент приостановившим оформление моих документов. Пришлось признаться во всех тяжких. В том, что мой отец наркоторговец, коррупционер и соучастник нескольких покушений на убийство. Я до сих пор не могу поверить, что вышел из этой истории практически без потерь. Хотя иногда возникает ощущение, что решение присяжных было несправедливым и от дерьма, в которое втянул меня отец, мне уже никогда не отмыться.

Получив от Абрамса каким-то чудом добро на зачисление, я подошел к столу хорошенькой девочки, чтобы дать ей наказ оформить-таки меня по всем правилам. Да-да, той самой девочки, что стоит сейчас передо мной на коленях. Закончив заносить в базу мои данные, она подскочила со стула, призывно облизнула губы и объявила, что я значился последним неоформленным студентом, а потому ее волонтерская деятельность закончена. Так что бы не отметить это чудесное дело? После отстойного разговора с ректором я не стал над этим предложением даже раздумывать.

И вот мы здесь, в туалетной кабинке, и она настолько хорошо знает свое дело, что я замурируюсь и невольно представляю на ее месте совсем другую. Ту, за которую даже не пытался бороться.

Вы, наверно, скажете, что я идиот. И в некоторой степени это будет правдой, но я реально не представляю, как другие парни умудряются хотеть только одну девчонку. Поверьте, я очень уважаю этих прелестниц во всем их великолепии и многообразии, но есть среди них такие, кто заслуживает верности. А с этим, как нетрудно догадаться, не ко мне. Без ложной скромности, я никогда не пытался. Не видел смысла.

– Тебе нравится? – спрашивает лань, очевидно, разочарованная утратой зрительного контакта.

– Ты бесподобна.

Я не сосчитаю, сколько раз это говорил в разных вариациях. Правда в том, что я никогда не скажу девчонке, которая мне отсасывает, что она делает это херово. Я вообще придерживаюсь позиции, что оральный секс по определению не может быть херовым. Но не будем забывать о дополнительном бонусе: девочка, которой ты говоришь, как она хороша, пытается стать еще лучше. Может быть, в перспективе долгосрочных отношений это и не так, но я их, опять же, не завожу.

– Кстати, я Уитни, – представляется удовлетворенная моим ответом девчушка, прежде чем провести языком по всей длине моего члена. Это она не вовремя решила углубить знакомство, я уже успел настроиться на иное. Никакого желания растягивать удовольствие у меня нет. Просто сброс напряжения – ничего личного. – А ты Стивен, верно?

Как обухом по голове. В мозгу проносятся десятки непечатных выражений. Холод покрывает кожу мурашками. Все тело напрягается. Кроме члена. Он, наоборот: безвозвратно сдувается.

– Стефан, – поправляю я.

Имя она прочла на бланках: вслух я Уитни не представлялся. И написание имен Стефан и Стивен одинаковое. В ее ошибке нет ничего критичного, но не для меня. Поверьте, между этими двумя именами как минимум пропасть.

– Эй, прости, я не подумала. Что...

– Крошка, это не твоя вина. Просто неприятный привет из прошлого.

Я застегиваю джинсы, заставляю девчущку подняться и благодарю глубоким поцелуем. Появись в нерешительности, она отвечает и явно начинает заводиться снова. Немного неловко проводит ладонью по моему животу вниз, но я ловлю ее запястье: не позволяю добраться до ширинки.

– Слушай... – пытается она. – Неловко вышло, я...

– Уитни. – Я улыбаюсь ей во все тридцать два зуба. – Ты супер.

Я целую ее в губы еще раз и, не давая времени опомниться, толкаю дверь кабинки. Зрелище стоящей у зеркала подкрашивающей губы свидетельницы нашего разговора вызывает у меня ухмылку.

Пытаюсь приглядеться повнимательнее, чтобы понять, получу по лицу от нее сумочкой или нет. Видимо, нет. По напряженным плечам видно: она слышала каждое слово, но на истерику совсем не тянет. Разве что пальцы, сжимающие тубик, побелели от напряжения.

И... вау, давно мне не встречались такие хорошенькие девчонки. Проходя мимо, подмигиваю ей и награждаю лучшей из своих улыбок:

– Привет.

Ответа я, разумеется, не получаю. Она отводит розовую помаду от идеальных губ и смотрит на меня холодно и серьезно, изучающе и без тени восторга. Это что-то новенькое, к такому я не привык. Впрочем, к таким, как она, я не привык тоже. Под слоем косметики невозможно понять, смутил ли я ее. Едва ли. Я не уверен, что такие девчонки смущаются без данного себе на то разрешения.

Она вся такая же сдержанная, как эта помада. Спорю, секс в туалетной кабинке – ее абсолютное табу. И я ее, конечно же, раздражаю своим легкомыслием. Жаль, она действительно чудо как хороша.

Выходя из женского туалета в людный коридор, я сталкиваюсь нос к носу с двумя студентками. Эти, напротив, глядя на меня, честно застывают с открытыми ртами, а затем краснеют. Подмигнув и им, я скрываюсь в коридоре. И только потом понимаю, что если Уитни так и не вышла из кабинки, то ледяная принцесса мне за это спасибо не скажет.

Шерил

Вот вам факт: вы можете делать со своей жизнью что угодно и как угодно. Например, возглавить сестринство, организовать несколько благотворительных мероприятий, подготовить социальную программу адаптации студентов, устроить научные чтения, провести десятки безупречных вечеринок и почти добиться внимания Майлза Докери... Но всегда найдутся *Уитни-которая-супер*, *Стефан-который-не-Стивен* и *просто-кабинка-туалета* – и они обязательно вам все испортят.

В попытке передохнуть от тягот первого учебного дня я захожу в первый попавшийся женский туалет, дабы поправить макияж... и слышу характерную возню в дальней кабинке. Которая заканчивается внезапно быстро, да и вообще, как ни посмотри, внезапно.

За приближением *Стефана* – попала по счастливой случайности на несвоевременное знакомство – я наблюдаю в зеркало. Что примечательно, он делает то же самое: разглядывает

меня с легкой насмешкой в глазах. А они у него, кстати, очень необычные. Светлые. На фоне темных растрепанных волос и смуглой кожи смотрятся особенно эффектно. И этот продуманный прикид: кожаная куртка, футболка с низким воротом, джинсы, ботсы... Все брендовое, между прочим. Выделяется этот *Стефан*, что и сказать. Я внутренне подбираюсь в ожидании неприятностей. Этот парень даже пахнет как неприятности: дорогим горьким парфюмом и сигаретами.

– Привет, – неожиданно роняют «неприятности» и, улыбаясь, подмигивают мне.

Это что, флирт? Я не шибко разбираюсь, но флиртовать с другой, оставив в кабинке неудовлетворенную *Уитни-которая-супер*, – разве не верх скотства?

Кажется, еще чуть-чуть, и от моего взгляда зеркало покроется льдом и брызнет осколками. Не говоря ни слова, я провожаю парня глазами, и только когда он хлопает дверью, возвращаюсь к своему мейкапу.

– Парень в женском туалете в первый же день? Горячо семестр начинается, – щебечут от порога девчонки. – С кем это он...

Они заворачивают к зеркалам и застывают с немым изумлением на лицах.

Уитни, видно, закрылась в туалете навечно, чтобы вдоволь оплакать свою неудавшуюся сексуальную жизнь. На виду только я, и у меня в руках помада. Практически с поличным.

Бросив на свое отражение усталый взгляд, я тяжело вздыхаю с пониманием, что грядет очередная кровавая бойня. Впрочем, а когда в моей жизни было иначе? О горе тебе, Шерил Абрамс, ни минуты покоя!

Я не спешу уходить из туалета: дожидаюсь, когда эти две курицы уйдут распространять про меня сплетни. И только после этого толкаю дверь последней кабинки. Мне очень и очень любопытно, что за шлюшка меня подставила.

Я собиралась стучать, пока она не откроет, но дверь оказывается не заперта. На крышке туалета сидит заплаканная смазливая девчушка, которую я даже не знаю. Это странно, в отцовском университете я знаю почти всех. При виде меня она резко бледнеет и начинает, заикаясь:

– Ше-Шерри...

– Для потаскушек – Шерил, – поправляю я ее.

– Прости, – краснеет девчушка. Говорю же, все меня знают. И я тоже стараюсь всех знать. Должно быть, эти двое новички в наших стенах. – Я... я все объясню. Только не говори своему отцу.

Да-да, мой отец – ректор этого заведения.

– Не трудись, – отвечаю и достаю телефон, чтобы сделать фото.

– Что ты делаешь? – восклицает заплаканная Уитни.

– Собираю вещдоки, конечно.

Разворачиваюсь и иду на выход.

Это полная подстава. Даже с этой фотографией вряд ли кто-то поверит, что это она, а не я ублажала *Стефана* в кабинке. Потому что Шерил-дочка-ректора и новенький – *бомба*, а какая-то никому-неизвестная-Уитни и новенький – это *ужасно скучно*.

2. Достучаться до Зака Эммерсона

Все как я и думала: новость о том, что ректорская дочка отсосала в туалете какому-то парню, облетает весь университет буквально за одну пару. Такое часто случается с девочками с безупречной репутацией, умудрившимися влипнуть в неприятности. К ланчу о моем «проступке» не слышал только глухой. С началом нового семестра тебя, Шерил.

Это полная подстава. Девчонка из кабинки – Уитни-которая-супер – оказалась волонтером приемной комиссии, которых отец набрал на лето. То был ее последний рабочий день. Видимо, она решила напоследок развлечься с симпатичным парнем. А то, что ее сосед по кабинке, у которого не стоит от звучания имени Стивен или просто не стоит, симпатичный – никаких сомнений.

Если бы мне было дело до чего-нибудь, кроме предстоящей вечеринки, как минимум те же болтливые курицы из туалета уже ползали бы по кампусу, собирая осколки своей социальной жизни. Впрочем, Стефан, может, тоже. С ним вообще все просто – достаточно кинуть ключ, что у него не стоит. Но, увы, сегодня мне совсем не до них: Майлз наконец-то пригласил меня на вечеринку Заккери Эммерсона как свою «плюс один». И мне бы визжать и прыгать от счастья сразу по двум причинам: потому, что я все губы искусала, думая, как добраться до Зака, и потому, что *Майлз меня пригласил*. Но у меня так ужасно болит голова, что хочется выброситься из его майбаха на полном ходу.

Когда я в очередной раз подношу пальцы к виску, стараясь не кривиться, Майлз не выдерживает:

– В бардачке есть тайленол. Выпей.

– Я уже выпила таблетку.

– Выпей еще. Не понимаю, зачем было ехать на вечеринку, если у тебя так болит голова. Там будет все мигать и греметь. Как ты собираешься это выдержать? Я мог бы сам организовать вечеринку, раз уж это для тебя так важно.

Майлз Докери – наследник одной из самых влиятельных фамилий штата Калифорния. Они занимаются авиастроением. Майлзу двадцать пять, и он люто ненавидит чужих людей на своей территории. А это значит, что я не могу просить его организовать вечеринку. Внешне он немного угрюмый и слишком серьезный, но при этом крепкий, симпатичный, высокий и плечистый. Легкости в нем нет, но если бы вы посмотрели на наших университетских мальчишек типа Джастина Масконо, быстро бы поняли, что это только плюс. Я была влюблена в Майлза еще до того, как он уехал учиться в Йельский университет мальчишкой. А теперь он вернулся и... и жизни не хватит, чтобы перебить всех желающих попасть в его постель.

Зато мы вроде как дружим. Семья Докери спонсирует университет отца, он часто посещает те же мероприятия, что и родители Майлза. На открытии выставки современного искусства, когда мне было четырнадцать, он стал первым мальчиком, который назвал меня красавицей, а я в ответ зарделась и влюбилась.

Прошли годы, теперь меня называют красивой все. Вот только Майлза Докери не подкупить одними розовыми губками, голливудскими локонами и своевременным смехом над скучной шуткой. А еще возглавленным сестринством, благотворительной деятельностью, запретельной ответственностью и тем, что меня никогда и никто не видел в женских туалетах с новенькими. Я как была ему кем-то вроде младшей сестренки, так и осталась. Майлз упорно игнорирует тот факт, что роль моего старшего братика занята.

Кстати, о Джастине Масконо, которого я тут вскользь упомянула: он на курс меня старше и дружит с Майлзом с детства. А сплетничает хуже девчонки. Я практически уверена, что Майлз уже знает сенсационную университетскую сплетню. Но я его об этом спрашивать не буду, иначе прозвучит как оправдание. А оправдываться мне не за что.

Думаю, моя голова решила разорваться от боли именно из-за ситуации, в которой я оказалась.

Я послушно пью еще одну таблетку, прекрасно понимая, что если не помогла одна, то и вторая не справится. Этот день просто апогей моего невезения. Я ждала приглашения на вечеринку Эммерсона почти полтора года, чтобы явиться на нее с головной болью уровня «мигрень»!

Глядя на расположенный на холме шикарный дом одного из золотых сыночков Беверли-Хиллз, каковых в предместьях Лос-Анджелеса пруд пруди, я не испытываю ни малейшего трепета. Несмотря на то, что моя семья – крепкий середнячок и ничуть не выше, благодаря своим друзьям я бываю в подобных местах слишком часто, чтобы застывать с открытым ртом.

Музыка начинает грохотать еще на подъезде. Каждый бас буквально проникает в уши и рвется через виски наружу. А когда мы заходим в дом, где в неоновом свете ломаются под музыку люди, к боли добавляется тошнота. Я стараюсь меньше слушать и смотреть, концентрируя внимание только на прямоугольнике белой рубашки, обтягивающей широкую спину Майлза, и его руке, крепко сжимающей мое запястье. Потеряться в такой толпе будет досадно. Несколько десятков приветствий – ведь с Докери мечтают подружиться все, – и мы подбираемся к уютно расположившейся в креслах, обсаженной девицами компании парней.

– Майлз Докери! – первым вскакивает Зак, чтобы пожать моему «бойфренду» руку.

Подружка, сидящая на подлокотнике его кресла и представляющая собой идеальную инстаграмовую куклу, чуть не падает при этом на пол. Не очень-то ей помогли 88-59-89, безупречно разглаженные блестящие волосы и коллаген в губах. Впрочем, я уверена, что Эммерсон к любой девчонке способен относиться только как к игрушке.

– Зак Эммерсон. Как всегда, на высоте.

Не знаю, как у Майлза это получается: он будто треплет хозяина вечеринки по голове, как хорошего песика. А тот воспринимает это с радостью. Никогда не понимала, как у Докери это получается. Любого другого Эммерсон вышвырнул бы за такую выходку вон. Должно быть, Майлз впитал умение быть выше прочих с молоком матери.

– Знакомься, это Шерил, моя девушка, – лениво тянет Майлз, а у меня екает сердце.

Девушка или нет, это неважно. Майлз никогда меня не унижит: он не взглянул ни на одну из девчонок в этом уголке. Для него мало иметь шикарную грудь, осиную талию и крутые бедра. Он не из тех, кто жаждет пристроить член, куда предложат. Это я ценю.

Вот только на этот раз заявление Майлза не встречает восхищения моей персоной, потому что мы с Заком Эммерсоном знакомы. Но ни один из нас не хотел бы об этом распространяться. Довольно того, что Майлз знает. Остальным здесь сидящим – не нужно. Красивый рот Зака дергается в слабом подобии улыбки, и он заставляет себя произнести:

– Приятно познакомиться, Шерил. Развлекайтесь.

= Полтора года назад

Полтора года назад

Тот вечер, когда жизнь моей семьи безвозвратно сломалась, начался так же, как многие другие. Родители уехали на званый обед к спонсорам, Джеймс зависал в своих бесчисленных компаниях, а я расслаблялась после тренировки чирлидеров за просмотром сериала в компании одного лишь попкорна, сидя в кровати с ноутбуком на коленях.

Тогда-то вместе с оглушительным хлопком двери в наш дом и ворвались неприятности. Удар, казалось, был такой силы, что стены содрогнулись. А за ним последовал судорожный топот ног по лестнице.

Мне стало сильно не по себе, несмотря на попытки уговорить себя, что ни один уважающий себя вор-насильник так топтать не станет. И все равно: я сидела одна, без света, а за окном настоящая буря. Вполне можно было подумать, что в доме никого.

Я медленно сняла ноутбук с коленей, вооружилась бейсбольной битой, припрятанной в шкафу именно ради такого случая, и прокралась в коридор. А затем застыла около приоткрытой двери комнаты брата. Она никогда не бывала приоткрыта. Джеймс ужасный аккуратист.

Спрятавшись за косяком, я осторожно глянула в проем. Высокая мужская фигура лихо радочно перебирала вещи в комод брата. Я громко, с облегчением выдохнула.

– Шерри, мать твою, как ты меня напугала! – в прыжке обернулся Джеймс и завалился назад, на комод.

Это еще что такое? На него совсем не похоже. Джеймс определенно не из тех, у кого нервы отказывают при любом удобном случае.

– Что происходит? – спросила и решительно прошагала в комнату, бросив биты около дверей.

И только внутри разглядела, что Джеймс держал в руках паспорт и наличные. Костяшки его пальцев были сбиты в кровь. Присмотревшись, я заметила также лопнувшую губу и назревающую гематому на скуле. Джеймс спешно отвернулся к комоду, не позволяя увидеть больше.

– Почему ты не с родителями и вообще сидишь без света? – не стал он отвечать на мой вопрос.

– С родителями? На вечере у Докери? Да я засну прямо в тарелке между устрицами и фуа-гра, испортив аппетит всем собравшимся. Зачем тебе деньги, Джеймс?

Он упрямо молчал, и это волновало меня больше остального. Внутри начала медленно закипать злость. Я подскочила и дернула брата за плечо, разворачивая к себе. Он охнул от боли, обнаруживая, что в драке пострадало не только лицо.

– Джеймс! С кем ты подрался? И зачем тебе деньги? – Он грубо сбросил мою руку. – Брат! – А в этом месте я уже начала откровенно орать.

– Шер, плохо, что ты дома, – только и сказал он.

– Да объясни, наконец!

Завязалась настоящая потасовка. Я никогда не была слабачкой, а Джеймс мало того, что подрался, так еще явно боялся мне навредить. Он всегда берег свою маленькую сестренку – как хрустальную. В конце концов после пары чувствительных ударов он крепко схватил меня за плечи своими огромными сбитыми ручищами, не давая ударить снова. И, проникновенно заглядывая в глаза, зашептал прямо в лицо:

– Мне нужно покинуть штат. Сейчас. И лучше тебе не знать о причинах.

– Джимми, – из груди само собой вырвалось его детское прозвище.

Едва ли брату понравилось быть «Джимми» в двадцать с лишним лет, но происходило что-то из ряда вон, что-то сложнообъяснимое и уж точно совсем неконтролируемое. И я начала

подаваться панике, хотя, вообще-то, это не в моем характере. Но ведь что-то случилось, что-то страшное.

Мы с Джеймсом относимся к тому редкому типу братьев и сестер, которые обожали друг друга с самого детства. Не разлей вода. Мне все девчонки в школе завидовали, потому что Джеймс легко мог дать в нос даже за простое оскорбление в мой адрес и лично забирал со всех вечеринок на своем мотоцикле. Я – его маленькая любимая принцесса, и всегда так было. Как это он меня одну оставит?

– Говори, – усилием воли взяла я себя в руки. – Ты же знаешь, что можешь рассказать мне что угодно.

– Да пойми же, Шерри, я защитить тебя пытаюсь, – досадливо протянул он и внезапно прижал меня к груди с такой силой, что позвонки хрустнули. – Не могу сказать, не могу, прости.

– Но иначе я буду копать, пока не выясню это сама, – заупрямилась я.

– Даже не думай, – неожиданно зло прорычал он и встряхнул меня, словно тряпичную куклу.

– Джеймс и Шерил Абрамс, помнишь? Всегда, – процитировала я ему вырезанную на стволе дерева клятву вечной дружбы. И уже проникновенно заглядывая в глаза брата: – Я никогда. Тебя. Не предам.

– Не в этом дело. Я не хочу, чтобы стали наседать на тебя. Не предашь – тебе же хуже будет.

Оттолкнув его наконец, я направилась в свою комнату, залезла в стол и достала оттуда старую шкатулку с мелочами. Когда поверх крышки упала капля, я с удивлением провела ладонью по щеке и обнаружила горячую дорожку слез. Откашлявшись и взяв себя в руки – Джеймсу, если я правильно поняла, только моих рыданий сейчас не хватало, – я выгребла из коробочки все содержимое и достала дно. Там, в нехитром тайничке, хранились все мои сбережения последних лет.

– Держи, – протянула я брату сложенные одна к одной купюры.

– Шер... – укоризненно посмотрел он на меня, но отказываться не стал, лишь коротко обнял: – Спасибо.

Джеймс собрал небольшую дорожную сумку. Только самое необходимое. Никаких его любимых пижонских рубашек. Пара джинсов, три футболки, кеды на смену кроссовкам, а вот кожаная куртка не поместилась – пришлось надеть. Но в такую погоду самое оно. Как он будет с двумя тысячами долларов и таким набором вещей?

– Зарядник, – протянула я ему забытое и улыбнулась одними губами. Кажется, они еще и дрожали.

– Шер, не плачь, – тоскливо простонал Джеймс. – Я справлюсь.

– И ключи от моей машины, – проигнорировала я его слова и тот факт, что щеки стали совсем мокрые. Я ничего не могла с собой поделаться, спасибо хоть голос не дрожал.

– Нет.

– Идиот! – прорычала я. – Собираешься ехать на мотоцикле в такую пору?! А ну бери! Скажу, что украл. Скажу, что дал мне вот этой самой битой и спер ключи, пока я без сознания.

Вместо улыбки у Джеймса получился какой-то нервный тик, и то одной стороной лица. Он долго думал, но потом все же выхватил ключи и направился к выходу из комнаты.

– Не иди за мной. Лучше пусть никто не увидит тебя в дверях.

Но я, конечно же, шла. Как иначе? У меня болело в груди, и долбила в голову мысль, что мы видимся в последний раз. Неправильно это! Мы еще недостаточно взрослые, чтобы вот так навсегда разъехаться.

– Делай что хочешь, но обещаю давать о себе знать. Мне плевать как!

– Нет.

Я крепко обхватила Джеймса за талию, не позволяя открыть дверь, и зашептала:

– Тогда скажи мне. Хотя бы скажи, что ты сделал. Чтобы я нашла способ помочь тебе однажды вернуться. Я не могу потерять тебя. Навсегда, помнишь? Дай мне надежду.

Он тяжело и сдавленно выдохнул, смиряясь с неизбежным, с моим упрямством.

– Не пуцу, пока не скажешь, – почувствовав, как он сдаётся, надавила я сильнее.

Он рвано обхватил мои руки, будто силясь уже не сбежать, а, наоборот, удержать.

– Кажется... – Его голос сорвался. – Кажется, я убил человека.

3. Случайности не для слабонервных

Мерцающие огни и грохот музыки сделали головную боль абсолютно убийственной. Поэтому, отчаявшись дожидаться действия тайленола и оставив Майлза за покерным столом в одной из задних комнат дома, я прибегаю к подручным средствам вечеринки: алкоголю. Не очень правильно, что я ушла напиваться в одиночестве, оставив Докери играть с друзьями, но покер меня никогда не прельщал, а тут хоть есть надежда, что станет полегче. Но только повисаю на барной стойке, чтобы заказать коктейль, как слышу:

– Привет, Звездочка. Вот уж не ожидал.

Повернувшись, обнаруживаю по правую руку от себя фаната кабинок женских туалетов. Несколько раз приходится моргнуть, потому что я понятия не имею, не игра ли это моего воспаленного воображения. Откуда бы этому парню взяться на вечеринке Зака Эммерсона? Я, конечно, еще в туалете заприметила его брендовые шмотки. Но между дорого одетым парнем и парнем, приглашенным на вечеринку голливудского сыночка, огромная разница.

– Кстати, я с тобой здоровался уже дважды, твоя очередь.

– Привет, – бросаю я сухо и заказываю обратившему на меня внимание бармену мохито.

– Стефан Фейрстах, – протягивает мне руку парень.

Мой заторможенный болью мозг не сразу реагирует на это имя, зато потом выдает сразу вереницу связанных образов. После самого громкого политического скандала последних лет его семья на слуху у всей Америки. Наркоторговцы, коррупционеры, неудачливые убийцы. Молодцы ребята. Везде подсуетились.

– Уже одного этого достаточно, чтобы держаться от тебя как можно дальше.

Он не обижается: напротив, демонстрирует безупречные белые зубы в улыбке и ямочки на щеках.

– Быть может, но я посчитал, что будет культурно представиться девчонке, которая «отсосала мне прямо в кабинке». Знаешь, сколько запросов в друзья на фейсбуке я получил уже к ланчу после такой новости? – продолжает он болтать, как ни странно, ничуть не напрягая мой мозг. – Полторы сотни. Но твоего среди них не было. В Бостонском колледже я считал себя популярным, но ты меня переплюнула.

Он учился в Бостонском колледже, но перевелся к нам после скандала? Следовало бы выяснить об этом парне все, что можно, уже сегодня. Да хотя бы имя и на каком он курсе. Безобразный промах с моей стороны.

– Ты ничего не перепутал? Это не ко мне в друзья стучатся сотнями, – вскидываю я брови.

– Без твоего обаяния о моем эти сто пятьдесят человек так скоро не узнали бы. Еще было три предложения показать мне кампус, два вдумчивых разговора о различиях Бостона и Лос-Анджелеса и даже просьба прокатить на мотоцикле.

– Ну и как? Прокатил? – спрашиваю я, легко читая намек между строк. Я обычно не играю с парнями в двусмысленности, но это не значит, что не понимаю их.

– Увы, та девочка пошла на попятную. Есть такие, кто очень боится мотоциклов.

– Тогда тебе стоит поискать ему другую женскую компанию, а не сидеть здесь со мной, – огрызаюсь я.

Подтекст разговора начинает утомлять. Будто я не знаю, что большинство парней финальной частью вечеринки видят совсем не чинное и одинокое возвращение в родные пенаты.

– По-твоему, все парни настолько помешаны на сексе, что выискивают его, как собаки? – спрашивает он, закладывая за ухо сигарету.

Вау. Так действительно делают в обычной жизни? Когда я несколько лет назад смотрела сериал «Скам», то была уверена, что никто в реальности никогда не дойдет до такого маразма.

Зачем? Взял из пачки – и сразу в рот. Что ее любовно поглаживать? Хотя мне не понять. Я же никогда не курила.

– Да, – отвечаю.

– Угадала, – усмехается он.

От неожиданности я моргаю и вынужденно давлю неуместную улыбку. Если он поймет, что рассмешил меня, то определенно запишет это в список личных побед, а в мои планы входит держать дистанцию.

– Кстати, ты так и не представилась, Звездочка.

Он красиво подносит к губам стакан и отпивает что-то крепкое. Коньяк, ром или виски. В баре ассортимент что надо. Сложно представить стоимость вечеринки Эммерсона.

– Если ты его не знаешь, то как выяснил, что я не отправляла тебе запрос на фейсбуке?

– Шерил Абрамс, разве мама не учила тебя вежливости?

Зато он мое имя знает. Да еще прекрасно представляет, с кем имеет дело. Что ж, это не странно, обо мне сегодня не говорил только ленивый.

Наконец, бармен ставит передо мной бокал, и я с наслаждением делаю большой глоток, умоляя строительный отряд, поселившийся внутри моего черепа, свернуть свою активность. Не уверена, что алкоголь в этом помощник, но вдруг получится. Я даже на укол обезболивающего согласна, лишь бы помогло! А я терпеть не могу уколы.

Однако только я успеваю почувствовать надежду на что-то хорошее, как из-за спины меня за плечо резко разворачивают. Мохито расплескивается по барной стойке. Я оказываюсь лицом к лицу с разъяренным Заком Эммерсоном.

– Что тебе опять от меня понадобилось, прилипала? Не знаю, как ты добралась до Докери, но лучше свали отсюда сейчас, пока никто не пострадал.

– Я явилась с Докери, потому что мы встречаемся. Сложно признать, что мир крутится не вокруг тебя, Эммерсон, не так ли? – шиплю я ему в лицо. – Или, может, у тебя появилось желание мне что-то рассказать, и теперь ты изо всех сил сдерживаешься?

На его скулах выступают желваки, но в этот момент поверх руки Зака, крепко сжимающей мое плечо, ложится мужская ладонь. Черт! Этот Фейрстах влез!

– Парень, твой дом – твои правила и все такое, но девчонку не трогай, – говорит он тихим, предостерегающим голосом. – Так делать нельзя.

Я слглатываю неизвестно откуда взявшийся ком в горле и огромными глазами смотрю на Стефана. Он возвышается над Заком почти на полголовы. Зак невысокий, но все равно для меня это удивительно, потому что Фейрстах не выглядит огромным. Майлз наверняка его выше, но он в сравнении со Стефаном неповоротливый, а этот какой-то гибкий, ладный и... опасный. Опаснее Зака, хоть я и не понимаю, что навело меня на такую мысль.

В глазах Эммерсона я вижу отражение тех же самых эмоций. Он явно не ожидал, что на вид добродушный парень способен твердо дать ему отпор.

– Не суйся, Фейрстах. Иначе я сделаю так, что ты свалишь из Калифорнии так же быстро, как ее вонючий братец.

4. Лекарство от головной боли

Когда мы с Джеймсом были детьми, часто ездили на побережье, где с восторгом смотрели на скользящие по волнам доски. Нас завораживало зрелище людей, способных обогнать стихию, а не быть ею разбитыми. Мы были уверены, что еще немножко, и сами станем такими же. Но если меня со временем всерьез увлек чирлидинг, то брат так и остался ярым фанатом волн и досок.

Когда Джеймсу было лет пятнадцать, он попал в компанию серфингистов и быстро стал там своим. Одним из самых-самых. Брат никогда не умел отдаваться любимому делу наполовину. А его фанатизм оказался заразителен, и в какой-то момент я обнаружила, что запихиваю в сумочку паспорт, чтобы поехать седлать волну в Мексику, ибо все западное побережье США мы уже обкатали. В компании «друзей по доске» я появлялась набегами и всегда оставалась только «младшенькой Абрамс», но понахвататься успела и очень неплохо катаюсь. Кроме этого я выяснила, что в мире серфинга есть место не только праздному разгильдяйству, но и жесткой конкуренции и нешуточной борьбе за лидерство. Какое-то время Джеймс был лучшим: у него были самые клевые доска, улыбка и девушка.

А потом пришел Зак Эммерсон.

Этот придурак не привык быть в чем-то не первым. В серфинге он был неплох, но Джеймса превзойти не мог и, наверное, с того все и началось. Он начал транжирить родительские миллионы на пляжные вечеринки, перелеты ради новых мест и ощущений, выпивку и крутых девчонок. Он покупал себе благосклонность ребят. Но на этом он не остановился. В тот день, когда брат застукал свою Лейси с Заком, он пришел домой в таком состоянии, что не сумел взобраться по лестнице в комнату.

До нынешнего дня я видела Зака всего пять раз: дважды до того, как Джеймс покинул штат, и трижды после. Эммерсон был смазлив, как Джуд Лоу, улыбался, как Том Круз, носил виныры и никогда не застегивал рубашку. Но все это не отменяет того, что Лейси дура. Я понимала, что вопрос стоит не о том, рванет ли, а когда именно рванет. Только не ожидала, что Джеймс заработает на этой почве проблемы с законом и будет вынужден бежать из штата.

Четыре месяца я потратила на то, чтобы понять, что же случилось. Но в компанию серфингистов меня больше не пускали, у больничной койки Зака мне пригрозили запретом на приближение, если я продолжу к нему являться. А Лейси молчит как партизанка. Не только со мной – вообще.

Такое впечатление, что только они трое знают, по какой причине Джеймс слетел с катушек и избил Зака так, что тот получил разрыв селезенки, переломы ребер, одно из которых вонзилось в легкое, и трещину в скуле. Мой брат не убил этого парня и даже не искалечил. По крайней мере, тот Зак, которого я сегодня видела, вовсе не выглядит несчастным страдальцем. А что лицо стало чуть менее симметричным – так ему только в плюс. Парню не нужно быть смазливее девицы.

– Какого черта ты влез?! – рычу я. – Я тебя об этом просила?

– Звездочка, ты серьезно? – легко возвращается к своей привычной манере Стефан. – Он выглядел так, будто собирался тебя ударить.

– Да если бы он это сделал, я бы сплясала! – рычу я и механически тру висок.

Если бы Зак меня ударил, я бы тут же на него заявила. И тогда у меня был бы весомый довод в пользу того, что на избиения Джеймса парень сам напросился. Я прекрасно понимаю, что если бы Зак не был виноват перед законом сам, то моего брата искали бы не только в

Калифорнии. Эммерсон что-то сделал, как-то напросился. Да, Джеймс вспыльчивый, но он никогда не слетал с катушек из-за ерунды. Так что сделал Зак, что?

– Ты из-за брата?

– Я мало в чем готова согласиться с Эммерсоном, но с одним не поспоришь: не лезь в это, Фейрстах. Боже мой, да что тебе за дело? Я еще даже не решила, как поставить тебя на место за сегодняшний случай в женском туалете, а ты только и делаешь, что все больше меня запутываешь.

Сказав это, я понимаю, что сглупила. Убийственная головная боль сделала меня раздражительной и неосмотрительной. Я никогда не ору на незнакомых парней на вечеринке. Я всегда собранная и сосредоточенная, достойная *Майлза*. А Стефан уже стоит, смотрит и улыбается, будто проник в тайну по имени Шерил Абрамс.

Я уже открываю рот, чтобы попроситься с этим парнем, но тут с диким свистом оживает микрофон диджейской будки. Не зная, за что хвататься: то ли за уши, то ли за виски, я бросаюсь к ближайшему выходу из дома. А оказавшись на улице, ловлю ртом воздух в надежде оттеснить боль обратно. Вернуть ее в разумные пределы. И через минуту почти без удивления обнаруживаю рядом Стефана.

– Что? Просто вышел покурить, – сообщает он максимально невинно и протягивает мне бокал мохито. Вместо пролитого. – Твое лекарство.

Поколебавшись, я беру его. Уж если кто и соберется меня отравить на этой вечеринке, то точно не новенький. Иначе оставил бы меня на растерзание Заку.

Я делаю первый глоток, а он тем временем достает из кармана зажигалку.

– Ты в курсе, что это Калифорния? Здесь нельзя курить вот так запросто, – просыпается во мне зануда.

– Ага. Мне об этом уже раз сто сказали, – отвечает он и затягивается с таким наслаждением, будто с момента приезда в ЛА это его первая затяжка. И выдыхает вверх длинную дымную струю. Это получается у него до странного красиво. Понятия не имею, почему стою и смотрю на это.

Опомнившись, я перевожу взгляд на вопиюще идеальный двор Эммерсона и делаю еще один глоток мохито. Мне бы стоило уйти, чтобы не пропахнуть сигаретным дымом, но как вспомню весь этот скрежет и рокот – появляется только одно острое желание: сесть в такси и уехать. На воздухе мне легче. Или из-за алкоголя. Или из-за тайленола. Или из-за проваленного плана. Да уже неважно. С Эммерсоном все равно ничего не вышло, а значит, задача максимум теперь – привести себя в удобоваримое состояние.

– Так что с твоим братом? – спрашивает Стефан.

– Его нет в штате Калифорния. Это все, что тебе нужно знать.

– Ты в курсе, что это грубо? – весело спрашивает он.

– А у меня пока нет поводов быть с тобой милой.

– Из твоего ответа мне понравилось только слово «пока». Но я не могу согласиться. Я помог тебе избавиться от ублюдка, который хотел тебя ударить.

Кожей чувствую, как пристально он смотрит мне в лицо.

– Я тебя об этом не просила. Я...

Осекшись, я понимаю, что не сумею ему объяснить причину, по которой *хотела*, чтобы Зак меня ударил, не углубляясь в подробности. Взгляд отчего-то мечется по двору, останавливаясь то на бассейне с расставленными вокруг шезлонгами, то на беседке, то на новомодном гриле. В попытке успокоиться я осушаю бокал и понимаю, что это выдает мое состояние с потрохами. Но... к черту.

– Звездочка, – проникновенно говорит Стефан и делает паузу. Бросив на него подозрительный взгляд, я вдруг понимаю, что он ждал момента, чтобы я сосредоточила на нем все свое

внимание. – Ты не хотела, чтобы он тебя ударил. У тебя могут быть причины думать, что ты этого хотела, но ты – не хотела. Придумай что-нибудь получше.

Я застываю, парализованная его словами и почти прозрачными глазами, которые как будто заглянули прямо в душу и все там рассмотрели. Он становится опасным. Он слишком много понял.

– Спасибо за лекарство. Кажется, помогло, – сказав это, я начинаю подозревать, что так и есть. Мой личный строительный отряд каким-то чудом всего за пару минут успел сократиться до одного ленивого работяги с долотом. – А значит, мне пора.

– Попользовалась и бросила. Ты разбиваешь мне сердце, Звездочка. Так и знай, – доносятся вслед, когда я уже хватаюсь за дверную ручку.

Ладно, сдаюсь, кажется, он нормальный парень. И раз уж за мной вроде как должок, Стефан пусть живет. Обойдемся теми двумя курицами из женского туалета, что оскандалили меня на весь кампус.

5. Папа, Майлз и прочие неприятности

Я потратила год – год! – на то, чтобы заставить Майлза взять меня на вечеринку к Эммерсону. План у меня был простой: разозлить Зака настолько, чтобы он меня ударил, а потом заставить его отозвать заявление на Джеймса. Или, если откажется, как-то доказать в суде, что раз Зак поднял руку на меня, то сделал то же самое с Лейси, и именно поэтому Джеймс вступился за девушку. Но Стефан Фейрстах, этот не в меру красивый парень из женского туалета с явным ветром в голове, мне все порушил. У меня хоть когда-нибудь что-нибудь получится?

Домой я возвращаюсь взвинченной и раздраженной. С единственной мыслью: плюхнуться в кровать и проваляться без сна до утра, обдумывая новый план.

– Шерри, зайди на минутку, – слышу я, едва успев переступить порог дома.

Это отец. Если честно, у меня нет ни малейшего желания с ним говорить. Интересно, он просто засиделся над бумагами или целенаправленно меня дожидался? На часах глубоко за полночь, вставать через пять-шесть часов. Надеюсь, разговор не затянется. Не хотелось бы завтра радовать кампус черными кругами под глазами. Решат еще, что дело в сплетнях.

Наш дом небольшой, но очень уютный. Двухэтажный, с гостиной, столовой, кухней и тремя спальнями на втором этаже. Он всегда безупречно чистенький. То заслуга экономки – единственной имеющейся у нас прислуги. Моя мама обожает готовить, но ненавидит прибираться, и в какой-то момент отец решил эту небольшую проблему за счет прислуги. Теперь у нас всегда вкусно и чистенько настолько, что даже Майлз не брезгует задержаться на обед. Он сноб, и спорить с этим бессмысленно, но ко мне и моим родителям относится хорошо.

Мой отец невысокий мужчина с каштановыми волосами и расплывшейся с возрастом фигурой. Симпатичным его можно назвать с большой натяжкой. Но он умный человек и толковый организатор, а для мужчины это куда важнее. Его стараниями Калифорнийский университет на очень хорошем счету. Одни только фамилии учащихся там студентов чего стоят.

– Милая, я сегодня слышал кое-что неприятное.

– Это просто слухи.

– Шерри, я прекрасно знаю, на что ты способна, – с нажимом говорит отец. – И именно это меня тревожит. Ты ненавидишь все, что так или иначе считаешь несправедливым. Я просто хотел удостовериться, что на ближайшие несколько месяцев вверенное мне учебное заведение не превратится в поле военных действий.

О да, папа хорошо меня знает.

– То есть предлагаешь мне спустить клевету на тормозах? Позволить студентам распускать друг про друга сплетни сексуального характера? Заниматься в кабинке туалета сексом очень глупо и безответственно, но за глупость и безответственность не преследуют. Никто голыми задницами, как на студенческих вечеринках, не светил, а значит, и чувств тех высокоморальных куриц не оскорблял. А судя по тому, что Земля до сих пор населена, сексом занимаются все. Так с какой стати следует распинать людей, им занявшихся?

– Дочь, – пытается успокоить меня отец, поднимая руки и будто бы сдаваясь. – Я тебя понял и даже в чем-то разделяю твою позицию. Если исключить тот факт, что университеты придуманы для занятия... другими делами, в общем и целом ты права. Но эти девочки распустили ничем не подтвержденные сплетни, просто сплетни, а вот ты точно не станешь бросаться голословными обвинениями и не успокоишься, пока не выкопаешь на девушек компромат. Ты им навредишь всерьез.

– Но они мне уже навредили, как ты не понимаешь?! – восклицаю я.

Отец тяжело вздыхает и откладывает распечатки, явно не собираясь к ним возвращаться. Значит, точно ждал меня.

– Дело в Майлзе Докери?

Вздыхнув, отвечаю:

– Да.

– Ты его любишь?

– Да, – отвечаю я, помедлив.

Я пытаюсь скрывать, потому что безответная любовь – это жалко. Особенно если ты тянешь на главную стерву университета. Но папа знает. И Майлз, думаю, тоже давно догадался. В папе и маме я уверена. Остается надеяться, что и Майлзу хватает такта помалкивать.

– Шерил, видишь ли, в чем подвох: и те, кто занимается в кабинках туалетов вещами, для которых те не предназначены, достойны быть любимыми. А ты надеешься построить отношения с человеком, который якобы способен поверить первой же сплетне о тебе. И даже больше: допуская мысль, что та, которой ты являешься, никогда не устроит твоего избранника. Ты ведь очень сильно изменилась за прошедший год. Ты бросила чирлидинг, стала гнаться за популярностью, оглядываться на чужое мнение...

– Пап, дай мне самой с этим разобраться.

Он обреченно вздыхает и отвечает:

– Конечно, Шерри, дело твое и жизнь тоже твоя. Я просто хочу, чтобы ты знала: ты не в ответе за ошибки Джеймса. Мы с мамой уверены, что вы с ним оба хорошие люди. Тебе не нужно пытаться стать лучше, чтобы тебя любили. Ты хороша такой, какая есть. Для нас и для Майлза. Перешагни этот инцидент и иди дальше.

Я скидываю на него голову и скупно улыбаюсь:

– Я поняла тебя, папа. Можно теперь мне идти спать?

Он вздыхает и кивает, осознав, что я его не услышала. Но он не все знает. Слепленный родительской любовью, он не понимает, что я вовсе не хорошая. Больше нет. Теперь я справедливая. И виноваты в этом люди, чувствующие свою безнаказанность. Люди вроде Зака Эммерсона или тех подружек: Тори Браун и Лизы Ньюберг. Они начинают с малого, уверенные, что им ничего не будет за их проделки, и, если вовремя не дать им отпор, повторяют снова и снова, пока не превращаются в настоящих монстров.

Я поднимаюсь к себе на второй этаж, но наверху лестницы останавливаюсь и, помедлив, заглядываю в комнату брата. Мама давным-давно сложила его вещи в коробки, но одну из них я распотрошила и достала оттуда пару кофт. Запах брата полностью выветрился из его вещей, но мне все равно нравится их касаться. Это помогает отогнать сосущее чувство одиночества. Как и просмотр его любимых фильмов или прослушивание его любимой музыки, которая раньше нередко гремела из дома на полной громкости. Джеймс вообще не умел быть незаметным парнем. Как... как Стефан Фейрстах.

Не понимая, откуда в голове взялся мой новый знакомый, я хмурю брови и достаю телефон. Только в последний момент останавливаю себя от того, чтобы заглянуть в фэйсбук и проверить, действительно ли к нему в друзья добавилась половина нашего университета. Вместо этого я выбираю совсем другое имя из списка контактов.

Шерил: «Нужен компромат на Тори Браун и Лизу Ньюберг. За ценой не постою».

6. Бартер и мини на миндальном молоке

Фотография с хештегом #АТочноЛи разносится по кампусу почти так же быстро, как новость о «коронном отсосе Шерил Абрамс». И сегодня весь день те, кто еще недавно шептался за моей спиной, пытаются загладить свою вину. Это именно то, что мне нужно после провала с Заком Эммерсоном, бессонной ночи и мучительных сборов в университет. Это, удавшаяся с первой попытки безупречная укладка и новое платье. Жаль только, что у меня под глазами двойной слой консилера. Я еще никогда его так плотно не наносила и теперь переживаю, не скатается ли, добавив коже несовершенств.

Лос-Анджелес только кажется территорией солнца и вечного лета. Обыватели знают, что смог и пронизывающий ветер делают это местечко почти непригодным для отдыха. Но все равно элитная часть университетского кафе расположена в патио. Сегодня там на удивление комфортно. Едва я появляюсь в дверях со своим стандартным набором: зеленым салатом и латте на миндальном молоке, как разговоры стихают. Под общими опасливыми взглядами мы с подругами усаживаемся за привычный столик и ставим на него свои коробки с ланчем, призванным сохранить наши фигуры до глубокой старости, а затем передать по наследству наряду с впечатляющей силой воли.

Все дело в том, что в обмен на очень неплохую уступку наше университетское братство во главе с Джастином Масконо нашло для меня фотографию тройничка с участием куриц, пустивших про меня слух. Такие грязные снимки распространяются только между парнями. Пришлось пойти на серьезные жертвы, но результат того стоил.

Теперь вроде как уже и не вполне явно, то ли я зажгла со Стефаном, то ли девчонки вдвоем ублажали его, попались и решили спихнуть все на меня. Но если меня никто на коленях с членом во рту не фоткал, то им повезло меньше. Второй день всего, а от этой истории уже тошно. И чуточку тошно от самой себя. Но, еще раз, кто мешал им обсудить мое пребывание в туалете одновременно со Стефаном Фейрстахом друг с другом, а затем закрыть рот на замок? Глупо было подставляться. Не первокурсницы, чтобы ничего обо мне не слышать!

Джастин: «Отлично вышло, детка, так держать».

Наша с Масконо игра в «услуги» началась в день, когда я возглавила сестринство. Мы с «братьями» ладим, но всегда немножко соперничаем, поэтому Джас никогда не делает нам одолжений за красивые глаза. Меня это устраивает: не люблю быть должной. Это в ста процентах случаев обходится дороже. А Джастин пока не требовал непомерную плату. Поправка: не требовал до сегодняшнего дня.

Кинув взгляд через патио, я замечаю, что Джас смотрит в экран, расплывшись в предвкушающей улыбке, даже не пытаясь скрываться от друзей. Заметив мой взгляд, Масконо помахивает телефоном, намекая, что он жаждет получить ответ. Но у меня нет ни малейшего желания сейчас с ним разговаривать, и я с дежурной улыбкой кладу сотовый на столик. Джастин тут же активизируется сам.

Джастин: «Неужели тебя так расстроил дресс-код для хеллоуинской вечеринки?»

Они потребовали от девчонок явиться в принудительном порядке в мини. А значит, заставят нас почти раздеться, всех сфоткают, повесят на доску и обсудят, как товар на рынке. Или начнут этими фотками шантажировать, как я – куриц. И вот на это извращение я обрекла всю женскую половину университета? Ладно, до Хеллоуина время есть – еще переиграем.

Шерри: «Совесьть гложет?»

Джастин: «Вот еще. Слышал, ты была на вечеринке у Эммерсона?»

Плохо. Масконо один из тех, кто знает Джеймса, потому что мы все учились в одной школе. А еще он знает, что когда-то они с Заком Эммерсоном были в одной серфинговой компании. Не знает Джастин одного: с какой стати мой брат как в воду канул. Вариант «из-

за девчонки» не выдерживает никакой критики, но другого у нас нет. Отец очень потрудился, чтобы правда была известна единицам. И Докери – одна из тех семей, которые ему в этом помогли: не выносить полицейские разборки на широкую публику, в обмен на свое имя на университетской библиотеке. То есть Майлз в курсе. И мне пришлось год уговаривать его взять меня на вечеринку: он боялся, что я всплыву и наломаю дров раньше времени. Какое счастье, что он понятия не имел о деталях моего плана. Его мы никогда не обсуждали.

– Хм, новенький, – задумчиво тянет Аманда, рассматривая сидящего через два столика от нас Стефана. – Если так разобраться, мало кому придет в голову осуждать тебя за секс с ним, Шерри. Он, может, не так влиятелен, как твой Майлз, но чертовски горяч.

Моя постоянная компания – Аманда и Клэр. Обе их семьи куда обеспеченнее нашей. Но равенства в нашей дружбе нет. Я руковожу сестринством, а значит, и обеими этими девчонками. И если с Клэр у нас в этом вопросе взаимопонимание достигнуто: она осознает, что так убиваться, как я, без великой цели бессмысленно, то Аманда в корне не согласна. Она еще долго будет вымаливать у меня прощение за все те гадости, что наговорила вчера. Понятия не имею, как оставила ее безнаказанной. Наверное, это тоже следствие головной боли. Сейчас мне многое из вчерашних действий кажется слишком опрометчивым.

– Благодарю за качественную оценку, – отвечаю я холодно. – Пользуйся, не стесняйся. Не забудь захватить дезинфицирующие салфетки. Или ты думаешь, что ради тебя он выберет местечко попримечательнее туалетных кабинок?

Аманда, открыв рот, вспыхивает, а я лениво поворачиваю голову в сторону Стефана Фейрстаха. Глупо делать вид, что я не заметила его, едва войдя в патио. Он сидит за столиком сразу с тремя девчонками и явно наслаждается их вниманием. Тотчас поймав мой взгляд, Стефан подмигивает и берется за телефон, безмерно меня раздражая.

Фейрстах: «После вчерашнего был уверен, что ты добавишься ко мне. Как голова?»

Шерил: «Всегда со мной. Спасибо за мохито и отшитого Эммерсона, на том и закончим».

Фейрстах: «Тогда зачем тебе мой номер?»

Шерил: «У меня есть номера всех студентов».

Я с самого утра исправила вчерашнюю оплошность и под благовидным предлогом сунула нос в университетское досье на новенького.

Фейрстах: «Удобно быть дочкой ректора».

Нахмурившись, кидаю на него еще один взгляд. Стефан косится в мою сторону с улыбкой. Сегодня он уже не выглядит как сбежавший с концерта рок-музыкант. В серой футболке с низким вырезом, темно-серой рубашке поверх, синих джинсах, белых сникерсах и с напульсниками на запястьях он выглядит как нормальный студент. Только все равно выделяется на общем фоне. И почему парням не приходится торчать по два часа у зеркала по утрам, чтобы их внешний вид оценивали на «хорошо»?

Он напоминает мне Джеймса. Живостью, открытостью, умением ничего не делать, чтобы привлечь внимание. Всем тем, что так дико бесило Зака Эммерсона. Это проблема. То, что Стефан Фейрстах напоминает мне брата. Во-первых, мне нужно сосредоточиться на другом. А во-вторых, Джеймс – чуть ли не единственная слабость. Не хотелось бы, чтобы через это приоткрытое окошко новенький пролез в мою жизнь.

Шерил: «Не отвлекайся, подружки заскучают».

Фейрстах: «Чем ревновать, лучше бы присоединилась».

Шерил: «Много на себя берешь».

Фейрстах: «Никогда столько, чтобы не справиться».

Шерил: «Скажи это бедняжке Уитни».

Фейрстах: «Звездочка, да тебя пора в стерву переименовывать! С головной болью ты мне нравилась больше».

Я хмыкаю. Когда меня называют стервой, я начинаю даже гордиться. Это значит, что старалась я не зря. В школе меня стервой никто бы не назвал. Нет, милой я тоже не считалась, скорее независимой, равнодушной и абсолютно свободной от чужого мнения. По последнему пункту я, кстати, сучаю.

– С кем ты так увлеченно переписываешься? – уточняет Аманда, очевидно, за мной наблюдавшая.

– С Масконо, – отвечаю я механически и только затем удивляюсь тому, что не сказала правду. Я же не делала ничего предосудительного.

Но тему развить не получается: Аманде поступает на телефон звонок, и тогда уже Клэр наклоняется ко мне ближе, шепотом спрашивая:

– Шерри, скажи, что ты не обещала мини на хеллоуинской вечеринке.

– Я это улажу, – огрызаюсь я.

– Шер, – укоризненно качает она головой. – Понятно, что больше половины девчонок все равно заявили бы в мини, но если это станет обязателькой, то тебя обвинят в сексизме и сговоре с братством.

– Я улажу, – повторяю я с нажимом. – Не могла же я оставить без внимания этих двоих. Проследив за взмахом моей руки, Клэр хмыкает.

– Понятно. Но хоть мне скажешь, кто там на самом деле был в туалете?

– Волонтерка из приемной комиссии. Последний день дорабатывала.

– И почему бы не рассказать об этом? Ей даже хуже не будет.

– Потому что, Клэр, кто с кем спит – дело тех, кто спит, что мы и доказали этими сплетнями. Я не собираюсь уподобляться тем двоим и топтать девчонку. Она мне ничего плохого не сделала. Да и попытайся я рассказать, кто поверит? Кому нынче интересна правда?

Подумав, подруга кивает.

Аманда еще не заканчивает свой телефонный разговор, когда мы подхватываем стаканчики с кофе и направляемся к выходу из университетского патио. Но не успеваем сделать и пары шагов, как вдруг:

– Абрамс! – слышу я злой оклик.

Останавливаюсь и раздраженно поворачиваюсь. Ненавижу, когда на меня орут, тем более прилюдно. Даже интересно, что за самоубийца до такого додумался.

– Так отчаянно стремилась прикрыть свою задницу, что смонтировала фото? – чуть не тычет мне телефоном в лицо одна из туалетных куриц. Которая Тори Браун.

– Ты всегда делаешь такие скоропалительные выводы? – спрашиваю я со смешком. – Хотя о чем это я спрашиваю? Конечно всегда. Всего неделя нового семестра, а у тебя и твоей подружки счет уже два из двух. Кстати, ты Тори или Лиза? Извини, я вас не различаю.

Не различаю, как же. Но в отличие от меня обе эти девчонки – никто, они ничего не могут, а значит, причин их помнить у меня нет. Кроме той, что знать всех студентов по именам и лицам бывает удобно. Но это уже мои личные законы, о которых никому знать не нужно.

Кстати, вторая – Лиза – стоит поодаль с таким видом, будто сейчас хлопнется в обморок от понимания, что невольно оказалась втянута в открытый конфликт со стервой Шерил Абрамс. Не похоже, чтобы распустить обо мне слухи было ее инициативой. Она же не подозревает, что я даже к выбору своих врагов подхожу крайне основательно и вдумчиво.

Тем временем лицо Тори идет красными пятнами гнева.

– Это. Монтаж! И даже не делай вид, что не знаешь. Шторы! Они зеленые, а на лице от них рефлекс нет! Оно снято на фоне желтых предметов.

Не верить ей у меня нет никаких причин. Особенно после того, как окружающие нас люди, понимающие в рисовании больше моего, начинают перешептываться. Мой непривычный к критической оценке глаз не заметил дефекта фотографии. Но... как я, мать вашу, могла не проверить, не подделал ли Джастин фото? Сама выставила себя полной идиоткой и чуть не

подставила своих девчонок с этим дресс-кодом для вечеринки! Масконо – придурок. Неужели стоило потратить столько сил ради того, чтобы полюбоваться на голые ножки?

– Даже если так, Торилиза, с чего ты взяла, что я имею к этой фотографии хоть какое-то отношение? – спрашиваю я, подходя к ней с удивленной улыбкой. – На ней написано, что ее сделала я? Может быть, то же самое, что и на новеньком второкурснике? – киваю я на Стефана.

Она сглатывает. Из толпы начинают звучать смешки. Потому что я продолжаю на нее надвигаться, а она отступает.

– Больше никому не нужно делать монтаж! – пытается защититься Тори.

– Ты в этом так уверена? Или ты распускаешь сплетни только обо мне? Тогда ответь, с какой стати такая честь? – И мягко продолжаю: – Что я тебе сделала? В прошлом году не пропустила твою задницу в сестринство? Или надрала ту же самую часть тела на чирлидерских соревнованиях?

– Может, еще подумаешь? Я знаю, что сделал твой брат. Лейси Уильямс моя кузина.

Понятия не имею, что творится с моим лицом, я его будто даже не чувствую. Должно быть, мертвенно побледнела. Само по себе это знание о Джеймсе не критично – все мы понимаем, что в один прекрасный день правда всплывет и нашей семье уже будет никак не защититься от злых пересудов, – но неизвестно, чем это закончится для Джеймса, если заговорят все. И еще – для меня. Ведь если дело возобновится, может вскрыться, что это я помогла брату бежать. Даже родители не знают, что я сама сунула ему в руку ключи от машины. Обвинение в побеге после причинения серьезного вреда здоровью – не то же самое, что после непреднамеренного убийства, но все равно серьезно. У Зака Эммерсона случился разрыв селезенки, а ребро проткнуло легкое. Это – именно тяжкий вред здоровью. Без госпитализации он бы не выжил.

В голове проносятся эти мысли, а губы сами выговаривают:

– Та меркантильная шлюшка, которая кинула моего брата ради золотого голливудского мальчика, после чего Джеймс уехал из штата? У нее ко мне есть какие-то претензии? Ну, пусть приходит сама – поговорим.

– Все было не так! – рычит Тори и краснеет. Но ей ли не знать, что одну и ту же ситуацию можно вывернуть как угодно удобно.

– А как было? Не помню, чтобы в последнюю нашу встречу Лейси жаждала поделиться подробностями. Она, наконец, разговорилась? Тогда передавай ей привет, и что я заеду поболтать. А с тобой говорить мне не о чем, больше не смей ко мне лезть. И будь поосторожнее с общественными туалетами. Мало ли что намерещится. Надеюсь, я доходчиво объяснила?

Не выдержав, прежде чем отвернуться от Тори, я бросаю невольный взгляд на Стефана. На лицах остальных студентов испуг, но этот парень пребывает разве что в глубокой задумчивости. Мне кажется, он обо всем догадался.

7. Спорткомплекс открыт для студентов всегда

Найти Фейрстаха после пар оказывается не так-то просто. Несмотря на то, что мотоцикл на парковке и вокруг него трется какая-то девица, Стефана все нет. Прождав его полчаса, я начинаю обдумывать варианты, где он может быть. Задержаться в кампусе можно в трех местах: общежитии, библиотеке, спорткомплексе. Нет, в женских туалетах тоже можно, конечно, но сомневаюсь, что после такого масштабного скандала Стефан сунется туда еще раз. Он местами, может, и придурок, но уж точно не такой, как Джастин Масконо или некоторые из братьев.

То есть, еще раз: общежитие, библиотека или спорткомплекс. В первое мне соваться бессмысленно, библиотека – последнее место, где станешь искать такого парня на второй день учебы. Методом исключения остается спорткомплекс. Я вылезая из машины и тотчас ловлю на себе взгляд дожидаящейся Стефана девицы. Ощущение, словно я участница реалити-шоу, где каждый наблюдает за моим недостойным поведением. Или у меня уже паранойя?

Наш спорткомплекс представляет собой нечто совершенно шикарное. Стараниями отца и студенческих организаций средств на его расширение и поддержание в отличном состоянии вкладывается немерено. В результате у нас имеется несколько залов для борьбы; футбольная, баскетбольная, бейсбольная площадки; несколько фитнес-залов, отлично оборудованный тренажерный; теннисный корт; несколько столов для пинг-понга и даже бильярд. Ах да, и еще два бассейна. Один для общего пользования, второй – для команды пловцов. Пройдет пара дней и вечеринок, студенты втянутся и снова заполнят эти помещения, ну а пока здесь почти пусто. Найти Стефана не окажется проблемой.

Игнорируя осторожность на пару со здравым смыслом, при входе я сворачиваю в сторону мужских раздевалок. Подозреваю, что после этого мне придется отбиваться от новой порции сплетен, но еще обиднее будет упустить Фейрстаха, а уже завтра разговаривать с полицией о Джеймсе.

Вот только мои обычно гениальные планы разбиваются о весьма и весьма неприятный разговор.

– Считаешь, Шер действительно отсосала тому парню? – слышу я вдалеке голос Джастина, гулко резонирующий от металлических шкафчиков, и застываю.

– Ты типа сейчас шутишь? Шерри мечтает об одном лишь Ма-а-айлзе. И вдруг с каким-то левым парнем? – смеется Бо.

Я сжимаю кулаки до такой степени, что мои наращенные гелевые «балеринки» с аквариумным френчем врезаются в ладони, грозя разорвать кожу в кровь. Я делаю несколько осторожных шагов вперед, заглядывая в каждый ряд. Джастин и Бо просто идиоты. Как можно обсуждать такие вещи в открытой раздевалке, куда может войти любой?!

– Почему нет? Думаешь, она всерьез надеется его окрутить? Я все жду, когда она повзрослеет.

– Чувак, ты серьезно? Слушай, я тебя понял. Ты надеешься, что если Шерил впервые в жизни не выпрыгнула из трусов ради фамильного колечка Докери и пососала какой-то незнакомый хрен, то уж тебе, как ее старому другу, наверняка перепадет. Но не будет этого. Никому Шер не отсасывала. Я уверен, что она даже Майлзу никогда бы не отсосала. Чтобы такая стерва, да встала на колени? Готов поставить на это свой бьюик – этому не бывать. Я вообще не понимаю, как у тебя на нее стоит. Ладно бы еще в те годы, когда вся Калифорния съезжалась на чирлидерские соревнования глянуть на ее задницу, едва прикрытую кусочком синей тряпки, а теперь-то?

Мне «везет»: как я и надеялась, входя в раздевалку, возле одного из шкафчиков вижу новенького. Итак, количество нелепых ситуаций, в которых я побывала с этим парнем, на одну

больше. Я пытаюсь незаметно отступить назад. Но на высоченных каблуках это оказывается трюком, который не рекомендуется повторять в домашних условиях: нога, некогда травмированная на чирлидерских соревнованиях, подворачивается, и я врезаюсь плечом в шкафчики. Такой грохот просто нельзя не услышать.

Новенький оборачивается. И одновременно:

– Тсс, ты слышал? – спрашивает Джастин. – Проверю, кто здесь.

Я оглядываюсь на коридор, но выход далеко: мне до него бежать куда дальше, чем Джастина до прохода, а прятаться в произвольном ряду вообще не вариант. Если этот Фейрстах меня сдаст... Он мне кивает на приоткрытую створку ящика. Дважды не думая, я шмыгаю к нему, игнорируя боль в щиколотке, и замираю за дверцей. Стефан фыркает от смеха, глянув куда-то в район моей груди, стягивает футболку и вешает ее на дверцу. Я стараюсь не краснеть: он это сделал, чтобы закрыть мою торчащую из-за дверцы грудь, которая обычно тройка, но у особо льстивых производителей – четверка. А еще я стараюсь не смотреть на Стефана топлес. Но это возможно лишь до того момента, когда он поворачивается ко мне спиной в ответ на оклик Джастина.

Сейчас модно что-нибудь себе наколоть, и даже у меня на копчике имеется легкомысленная звездочка, но у него что-то совсем другого порядка. Настоящая история. Сложно представить, сколько месяцев ушло на то, чтобы набить такое. Если честно, пальцы колет от желания прикоснуться к этому великолепию.

Через полспины Стефана багровым клином от плеча к ребрам сходятся под обрывками кожи растерзанные мышцы, сквозь которые проступают то тут, то там кости. С узкой части к широкой делает стежки игла с нитью. И дата: двадцать третье декабря прошлого года.

– Эй, новенький, – звучит раздраженное, и я перестаю дышать.

Кажется, я слышу вибрацию телефона Стефана и закусываю губу, потому что мой не выставлен на беззвучный режим, а мне часто кто-нибудь звонит по организационным вопросам.

Стефан закрывает меня спиной, но между его спортивной сумкой на полу и дверцей есть небольшой просвет, где Джастин может легко увидеть мои лодыжки. После сегодняшнего дня у меня имеются серьезные сомнения в том, что Масконо не одноклеточное, но вдруг в нем проснутся предусмотренные эволюцией зачатки мозга? Иногда я задавалась вопросом, как вышло, что мы не начали с ним встречаться еще в старшей школе. Приятно, что ответ на этот вопрос теперь получен, а правильность решения не подлежит сомнению.

– Ты что тут делаешь?

– Возвращаюсь с тренировки, – указывает Стефан в сторону тренажерного зала. Впрочем, по влажному блеску его кожи все более чем очевидно. Как и то, что к тренировкам он привычный. Я стараюсь фокусировать взгляд только на татуировке, но он так и соскальзывает ниже, на бугрящиеся под кожей мышцы. – Это ведь не запрещено?

– Комплекс открыт для студентов чуть ли не круглосуточно, – подтверждает Масконо. И, наконец, меняет тему на главное: – Что ты слышал?

Я снова до боли фокусирую взгляд на татуировке Стефана, не позволяя себе ни думать, ни дышать.

– Это ты сейчас о чем? – уточняет новенький, и откуда-то изнутри во мне поднимается жгучее разочарование. Нет, я, конечно же, не ожидала, что он за меня вступится, но как-то все равно погано.

– Правильный ответ. Джастин Масконо.

– Стефан Фейрстах.

– Фейрста-а-ах, – небольшая заминка. – В пятницу у меня состоится вечеринка. Приходи.

– Приду. Спасибо, чувак.

Впору аплодировать Джастину: и познакомился, и задницу прикрыл, и на вечеринку пригласил, и меня обсудил. И еще уверен, что я отсосала Стефану. Подонок, подставил меня дважды за один день. Это уже чересчур. Кажется, у сестринства в этом году будет очень оригинальное посвящение.

Масконо уходит, а Стефан оборачивается ко мне с выражением абсолютного самодовольства на лице. Я благодарю его кивком. И снова стараюсь не смотреть, как ткань дюйм за дюймом скрывает идеальное тело. Аманда была права: этот парень чертовски горяч и прекрасно знает, какое производит впечатление на окружающих. Будь то три соседки по столу, Уитни из кабинки туалета или Шерил Абрамс, прячущаяся за его шкафчиком и не представляющая, куда деть глаза. По крайней мере, улыбка, которой он меня награждает, весьма и весьма победоносная.

Прежде чем выйти в проход между рядами, Стефан хорошенько оглядывает его и пропускает меня вперед. Но все равно я позволяю себе нормально, глубоко дышать, только когда мы оказываемся на улице.

– Эй, любительница острых ощущений, меняю свое «спасибо» на вопрос, что ты делала в мужской раздевалке, – издевательски тянет Стефан, стоит мне свернуть к парковке.

Он легко подстраивается под мой шаг. А я хочу этого и не хочу одновременно, потому что мне этот разговор необходим, но уж никак не на территории кампуса. Но как объяснить это такому легкомысленному парню?

– Искала тебя, – отвечаю я просто.

– А ну стой. – Он хватает меня за локоть. – Повтори эту музыку для моих ушей.

– Я. Искала. Тебя. А теперь отпусти. Не люблю, когда меня трогают.

Издевательски присвистнув, Стефан расцепляет пальцы, и я демонстративно тру локоть. Этот жест – ложь. Мне не было неприятно, вовсе нет, хотя я не врала и действительно не выношу чужих прикосновений или даже вторжения в личное пространство.

У Стефана раз в пятый однократно вибрирует телефон, извещая о входящем сообщении, но парень его игнорирует.

– Мне очень нужно с тобой поговорить. – Ради этих слов мне приходится себя пересилить и даже облизнуть губы. – Можешь уделить мне час своего времени?

Стефан удивленно вскидывает брови и какое-то время молчит. Наслаждается эффектом, наверное. Вокруг его глаз собрались морщинки улыбки.

– Звездочка, мы с тобой совершенно разные. Не думаю, чтобы я хоть раз в жизни отшивал кого-нибудь в половину так жестко, как ты это делаешь с каждым. Не нервничай, у меня полно свободного времени. Только одно маленькое условие.

– Ты серьезно? – раздраженно спрашиваю я.

– Серьезнее не бывает. – Будто в доказательство, улыбка покидает его лицо. – Вот такой вот, как сегодня, ты меня просто жуть как бесишь. Поезжай домой, оставь там на вешалке костюм идеальной стервы и заезжай за мной.

Приходится сжать зубы, чтобы не сказать ничего лишнего. Мне нужно, чтобы Стефан не болтал про Джеймса, мне нужна от него уступка. А значит, я должна быть милой или хотя бы попытаться быть милой, а если я обзову его козлом – с языка так и рвется, – то уж точно своего не добьюсь.

Не верьте интернету и его призывам не быть никому должным. Или не плачьте, не получив ничего в ответ.

8. Нетривиальный торг под музыкальное сопровождение

Стефан

Сорок пять минут, чтоб их. Что за девчонка на такое способна? Я едва успел распрощаться с любительницей кататься на мотоциклах, которая вчера была еще не готова, а сегодня уже созрела до своей роли. Хорошо еще, что я не скинул Шерил свой адрес сразу. Они разошлись буквально в пяти минутах, и, уверяю вас, если бы этого не случилось, то вместе с репутацией Шерил Абрамс погиб бы и я тоже. После свежевания девчонки в кафетерии я в этом ничуть не сомневаюсь.

Впрочем, существует вероятность, что Каролина бы Звездочку не узнала. Я сам едва узнал: в безразмерном свитере, с волосами, забранными в небрежный хвост, и почти без макияжа.

Вы не ослышались.

У Шерил-чтоб-ее-Абрамс, Шерил, которая своей идеальностью заставляет всех девчонок университета исходить слюной от зависти и рассказывать про нее небывлицы; Шерил, которая своей в прошлом чирлидерской задницей вертит теперь перед одним только Майлзом Докери; Шерил, которую пробивает на нервный тик, стоит ей увидеть чьи-то невымытые волосы, – да-да, у этой самой Шерил есть плебейские берцы и темно-серая кофта-оверсайз, настолько длинная, что я бы не угадал под ней наличие кожаных шортов, если бы она милостиво не заткнула ее спереди за пояс. Хороший ход: не придется гадать, надето ли на ней что-то снизу. Хотя кому я вру? Впуская ее к себе домой, я понимаю, что меня не спасет ни это, ни недавний неплохой секс.

Я утыкаюсь в свой мобильный, лишь бы только не смотреть на ее голые ноги в опасной близости от моих. Тридцать шесть новых сообщений от Норта. Вот ведь послал бог братца... Хоть Тиффани проси его успокоить. От воспоминаний о собственной невестке на душе становится муторно, и я перевожу взгляд на Шерил, беззастенчиво оглядывающую мою гостиную.

Бостонский дом мне нравился больше. На самом деле до переезда я никогда не замечал и половины удобств своего прошлого места обитания, всегда считая себя довольно неприхотливым человеком. Только теперь начал понимать, что это не так. Иногда меня дико раздражает отсутствие некоторых вещей, к которым я привык. Например, тренажеры. В Бостоне они были, а здесь имеется только беговая дорожка, прелестей которой я никогда не понимал. Я вообще не фанат бега, но если уж это делать, то точно по улице и с плеером в ушах. А еще меня дико раздражает то, что если раньше у меня дома часто собирались люди: приятели из колледжа, девчонки, брат, то здесь практически никого не бывает. Я ненавижу тишину.

– Неплохо, хоть и не твое, – выносит свой вердикт Шерил.

Я удивленно вскидываю брови. Хоть убейте, не понимаю реакций этой девчонки. В один момент она кажется нормальной, а в другой превращается в беспощадную стерву, лихо обносящую себя колючей проволокой. С такими мне никогда не везло. Наверное, этот Майлз Докери должен чувствовать себя благословленным за то, что *ему* она бы позволила себя поцеловать.

«Отпусти, не люблю, когда меня трогают». Зараза.

– Я мог бы проявить гостеприимство и предложить тебе кофе, но как только ты его попробуешь, то поймешь, что это как раз негостеприимно. Обычно мои гости сами себе его варят.

Теперь ее очередь удивляться, а я закусываю губу, пытаюсь угадать ее ответ.

– Веди, – соглашается она.

Пара минут возни с кофемашиной, и по кухне распространяется запах, которого та еще никогда не знала. Или не знала с тех пор, как въехал я. Чашки забираю я сам. Как только я приближаюсь к Шерил, она предсказуемо отступает, окинув меня недовольным взглядом.

– Сотри это выражение с лица. Я просто пытаюсь о тебе позаботиться. Какой ты кофе пьешь? Сахар, молоко... сливки?

У меня громко вибрирует телефон, и Шерил, раздумывая над ответом, на него косится.

– Я пью обычно с миндальным молоком или обезжиренным. Уверена, что у тебя ничего подобного нет.

– Звучит так, будто ты всерьез опасаясь не поместиться за створку шкафчика в следующий раз. Смею тебя разочаровать, у тебя и в этот раз не особо получилось. – Я не могу удержаться и бросаю красноречивый взгляд на ее грудь.

– Ни слова больше! – останавливает она меня движением руки. – Мы никогда не будем говорить об этом инциденте. И о случае в женском туалете – тоже. Я вообще поверить не могу, что за два дня семестра из двух уже дважды оказалась в таких нелепых ситуациях. Если так пойдет и дальше, закончится тем, что я начну умолять тебя вернуться в Бостон, или из какого ты города на самом деле.

– Из Бостона, ты хорошо подготовилась, – смеюсь я ее внезапной искренности и щедро плещу ей в чашку молока. Пусть только попробует не выпить. – Итак, я очень внимательно тебя слушаю, твой брат... – начинаю я сам, пытаюсь разом вывести ее из равновесия, потому что если танец поведет она, то закончиться это может полным моральным уничтожением.

Телефон снова вибрирует.

– Может, уже ответишь? По-моему, тебя потеряли и сейчас начнут поисково-спасательные работы.

– Меня никто не терял.

– Три сообщения за минуту.

– Это Норт.

В глазах Звездочки мелькает интерес.

– Да-да, тот самый, который такой же. Вижу я твои грязные мыслишки. Тоже нравятся близнецы?

– Всем нравятся близнецы, – отвечает она без запинки, ничуть не смутившись. Жаль, что так легко. С ней безумно интересно препираться.

– А ты не такая уж особенная, а, Звездочка? Не переживай, лучшую половину нашего тандема ты уже видела, – делаю я слабую попытку вернуться к словесным баталиям.

Вокруг зеленых глаз Звездочки собираются лучики веселых морщинок. Она явно пытается не улыбнуться, но отвечает привычно строго:

– Тебе пишет брат, ответь ему.

– Ему не надо отвечать. Он пишет мне из вредности.

Разумеется, она лишь вскидывает брови, молчаливо требуя пояснений. Я закатываю глаза.

– Когда я отправился на тренировку, попросил его накидать мне подходящей музыки. Тренировка закончилась, а Норт – нет.

Губы Звездочки все-таки расплываются в улыбке, хотя заметно, что ей это не по нраву.

– Видимо, ты часто достаешь его этим вопросом.

На самом деле я пользуюсь любой возможностью написать брату, потому что до сих пор не могу поверить, что мы, наконец, общаемся как нормальные люди. Более чем уверен, что прозорливый Норт это понимает и таким образом дает мне понять, что опасения беспочвенны, но если я хочу, чтобы его в моей жизни было больше, – пожалуйста. Он может присутствовать в ней даже ночью в виде миллиона и одного сообщения.

– Конечно часто. Он знает все, что было написано позже семидесятых. Только теперь придется выключить телефон на время сна, поскольку пока он добрался только до восьмидесяти пятого.

Смех Шерил Абрамс застаёт меня врасплох. Я не был уверен, что она умеет смеяться. И тем более не думал, что у нее это выходит так хорошо. Наверное, стоило бы оскорбиться, что впервые на моей памяти рассмешил эту девчонку не я, а мой брат. Это соревнование никогда не уйдет.

Впрочем, чему я удивляюсь? С такими вот стервочками, как Звездочка, Норт умеет обращаться куда лучше меня. Стоит вспомнить Мэри Кравиц. Или ту же Тиффани. Это сейчас она на человека стала похожа, а раньше... ну, нет. Шерил она фору не дала бы, Звездочка вообще вне категорий. У той девчонки во время ланча – Тори, кажется, – после разговора с ней даже руки тряслись, хотя я более чем уверен: правда на ее стороне. Есть у меня подозрение, что иначе Шерри не растоптала бы ее прилюдно и с таким смаком. Все дело в ее мифическом брате. Это его Звездочка защищает, бросаясь грудью на амбразуру.

– Ты уже догадался, что с моим братом что-то нечисто, – начинает Звездочка, сделав-таки глоток своего совсем не обезжиренного кофе. – Что ты хочешь за то, чтобы об этом не распространяться?

По-моему, у нее даже мысли не возникает нормально, по-человечески поговорить. Она точно это умеет? Или у нее все сразу в формате шантажа и обмена?

– А с чего ты взяла, что тебе есть что мне предложить, Звездочка? – усмехаюсь я жестко. – Деньги мне без надобности, – киваю я на свой более чем роскошный дом. – Популярность сродни твоей меня не прельщает, шантажировать меня тебе нечем – все грязное белье, что было в нашей семье, уже вывернуто наизнанку и обсуждено в СМИ. Секс? Ну, Звездочка, ты до такого не опустишься, да и я не жалуясь на...

– Это неправда! – закатывает она глаза. Господи, надеюсь, это Шерил про секс. До спальни как раз недалеко идти. – Я уже давно в этом кручусь и точно знаю, что у каждого найдется что-то такое, что ему нужно. – Ага, про секс она, как же. В душе поселяется легкая, но предсказуемая грусть.

– Так и есть. Но у тебя с моими желаниями определенно будут проблемы, – хмыкаю я.

– Я думала, мы...

Я наклоняюсь через стол и прижимаю палец к ее теплым и классным губам. От неожиданности у Звездочки вытягивается лицо. Но меня слишком бесит то, что, хоть и сомневается, она пытается упростить меня до понятного ей типажа. До Джастина Масконо и его дружков, которые думают только о престиже. Да чего далеко ходить! Судя по Докери, Звездочка и сама такая.

– Тихо, сейчас наговоришь такого, что начнешь краснеть. Видишь ли, я недавно переехал. Вообще никого здесь не знаю. У меня никогда не было проблем с тем, чтобы завести приятельские отношения, но кандидаты здесь на эту роль меня не устраивают. Масконо? Этот его дружок Бо? Или, может, Эммерсон? Понимаешь, к чему я клоню? Единственный интересный человек, которого я обнаружил в Калифорнии на сей день, – ты.

Не удержавшись, я провожу пальцем по ее губам, нарушая аккуратный контур неяркой помады. Крышесносное зрелище, как после поцелуя. Боже, не знаю отчего, но я бы несколько лет жизни отдал за поцелуй этой девчонки. Нет ничего охренительнее, чем заставить всю ее такую вот чопорную стонать от удовольствия. Стонать только для меня.

– И что? Хочешь со мной подружиться? – насмешливо спрашивает она.

– Хочу, чтобы ты рассказала мне историю твоего брата, и будем считать, что мы в расчете, – без труда осаживаю я Шерил. Таким, как она, ни в коем случае нельзя знать, какую власть они имеют над мужчинами на самом деле. Потому что такие, как она, этим пользуются и в хвост, и в гриву.

– Превратить плохую ситуацию в отвратительную? – мигом огрызается Шерил, закрываясь скрещенными руками.

– У тебя в любом случае нет выбора, кроме как мне довериться. Если, конечно, ты не собираешься оформить договор между нами юридически.

– Я вроде еще не настолько параноик, – бубнит она себе под нос.

Я начинаю смеяться и достаю сигарету. Мне нужно переключиться хоть на что-то, кроме этих губ с размазанной помадой.

– Не вздумай... Боже. – Закрывает она глаза ладонью. – Опять из-за тебя от меня будет разить табаком за милую. Еще и в помещении! На кухне. Самому не противно?

Хмыкнув, я выдыхаю дым в ее сторону. Шерил опускает ладонь и смотрит на меня открыто и прямо, с заметной досадой. Но не отклоняется и не пытается продолжить спор. Впрочем, уже поздно для этого.

– Ты всегда такая зануда?

– Да.

– Не верю. Ведь были годы, когда вся Калифорния съезжалась на чирлидерские соревнования глянуть на твою задницу, едва прикрытую кусочком синей тряпки, – цитирую по памяти я придурка Бо.

– Ни слова больше, – предупреждает она. И, насладившись моей понимающей улыбкой, вдруг бросается с места в карьер. – Джеймс. Так зовут моего брата. Он на два года старше. Когда он уехал, меня вышвырнули из команды чирлидеров и чуть не выгнали из университета. Мой отец был из числа тех, кто настаивал на исключении.

Я замираю на половине затяжки. Ректор Абрамс не показался мне жестоким человеком. Вот так сюрприз.

– Охренеть, – вырывается из меня с дымом.

– Он был прав, – тем не менее совершенно спокойно говорит Звездочка. В ее голосе не слышится ни нотки обиды. – Мне требовалась шоковая терапия. Я вела себя глупо и опрометчиво. Дело чуть до суда не дошло. Вместо пар я преследовала Лейси Уильямс и Зака Эммерсона, пытаюсь понять, что же они натворили такого, что мой брат слетел с катушек и чуть не зашиб этого ублюдка. Джеймс бежал из штата, думая, что убил его.

– Потому что девчонка ему изменила? – Нет, я многое повидал, но если так, то пахнет серьезной болезнью.

– Нет, дело в чем-то другом. – Она начинает нервно тереть рукав кофты. – Между тем днем, когда Лейси изменила Джеймсу, и дракой прошло два месяца. Никто не станет ждать два месяца, прежде чем дать в нос из-за подружки. Я пыталась выяснить, что случилось, проводила независимое расследование, мешала полиции, уверенная, что Эммерсоны ее замазали... В общем, творила нечто совершенно идиотское. И, конечно, ничего не узнала. Со мной не стали говорить ни Зак с Лейси, ни остальные серфингисты.

– Серфингисты?

– Они все серферы. И, походу, все так или иначе замешаны в этом деле. Думаю, им запретил говорить со мной Зак. После отъезда Джеймса он стал их лидером. – Взгляд Шерил устремляется к тлеющему кончику моей сигареты. Она нервно облизывает губы. А может, и к лучшему, что Шерри не собирается со мной дружить, потому что некоторые части меня тоже в корне не согласны с этой затеей. – Стефан, об этой истории в университете почти никому не известно. Копы не сновали между студентами и ничего не выясняли в обход отца, об этом хорошо позаботились. Официальная версия гласит, что Джеймс подрался из-за Лейси и уехал. Как я сказала сегодня этой Браун.

Мне хочется многое сказать Звездочке, но на этот раз телефон оживает уже не сообщением. Поджав губы – как не вовремя, – я достаю аппарат и мрачнею. Это Тиффани.

– Привет, Шалтай, – безмятежно тяну я в трубку.

– Стефан! Чем ты так занят, что не отвечаешь на сообщения? – слышится разъяренное в трубке. Писал мне, выходит, не только Норт, но и она.

– С одного раза угадаешь? – скалюсь я. Звездочка закатывает глаза и отворачивается, прекрасно понимая, на что я намекаю. Мы сидим достаточно близко, чтобы ей было слышно каждое слово Тифф. – Ну, что там у вас, героев своей страны?

После того, как Тиффани выдвинула против моего отца обвинение в попытке убийства, многие начали крутить пальцем у виска. Доказательств почти нет. Труп отцовского наемника вряд ли можно допросить в суде, а в том, что он нынче труп, виноваты многие, и я – не исключение. А в данный момент все шишки валят на него. На человека, который избивал меня по приказу отца, вынуждая делать вещи, за которые ни один порядочный человек не возьмется. Уж не знаю, что там натворил Эммерсон, но пока я не сильно посочувствовал брату Звездочки.

– Назначена дата слушания дела твоего отца, – огорошивает Тифф.

– Когда? – подбираюсь я. Остатки напускного веселья с меня сдувает, легкость исчезает тоже. Я с трудом подавляю малодушный порыв убавить громкость и не дать Шерил услышать остальную часть разговора.

– На следующей неделе, в среду.

– Спасибо за предупреждение, Шалтай.

– Эй! Не вздумай вешать трубку! Ты же приедешь?

– А чего ради, Тифф? В жизни не поверю, что вам не хватает свидетелей.

Я не хочу встречаться со своим отцом. И меня разрывает на части от непонимания, какого приговора жду для этого человека. Подсознательно я боюсь, что он сумеет выпутаться из всех обвинений и снова меня найдет. Это одна из причин, по которой я уехал из Бостона.

– Стефан!

– Я занят. Кстати, раз уж сама позвонила, передай своему чудовищу угомониться с музыкой.

– Стеф, клянусь, если ты не приедешь, я тебя силой...

Не став это дослушивать, я скидываю звонок. Не знаю, откуда приходит чувство, что Тиффани испортила момент, но оно совершенно отчетливое. Звездочка вновь замкнулась и демонстративно смотрит в окно.

– Итак, на чем мы остановились? – пытаюсь я вернуться к прежнему разговору.

– На том, достаточно ли я разоткровенничалась, чтобы ты принял мою уязвимость в качестве платы.

Звездец. Убить бы Тиффани.

– Ты правда не понимаешь, что теперь нужно сделать?

– Ты сейчас о чем?

Шерил хмурит брови, и мне остается только покачать головой. Она вообще непрошибаемая.

9. Серфинговый соучастник

Шерил

От этой затеи я ждала куда худшего. Уж никак не думала, что вместо того, чтобы воспользоваться моими родственными связями, к чему я была подсознательно готова, он потребует рассказать о Джеймсе. Это и лучше, и хуже. Единственный человек, с которым я до этого обсуждала ситуацию брата, был Майлз. И он считает, что Джеймс ненадежный тип, который всех подставил, вместо того чтобы ответить по всей строгости за свои поступки. Прямо скажем, Майлз так себе утешитель. Мне иррационально хотелось услышать, что скажет об этой ситуации Стефан, сам побывавший в мясорубке, но он не сказал вообще ничего, потому что нас прервал телефонный звонок. Это было сильное разочарование. Но в итоге мне все равно стало чуточку легче. Видимо, есть некая правда в том, что выговориться полезно. С родителями мы Джеймса не обсуждаем – слишком больно. С Майлзом не обсуждаем – потому что он отзывается о нем слишком хлестко.

– Мне пора ехать, – говорю.

Я совсем не собиралась лезть в жизнь Стефана Фейрстаха, но внезапно подслушала очень личный разговор и по брошенному на меня взгляду поняла, что он от этого не в восторге. Это очень неловко, учитывая, что я уже ворвалась к нему со своими нелепыми требованиями.

– Пошли, я тебя провожу.

Отмахиваться от предложения глупо и невежливо, но когда я выхожу из калитки, тотчас об этом жалею. На противоположной стороне дороги двое девчонок выгружают из машины пакеты из супермаркета.

– Кто это? – спрашивает Стефан, тотчас уловив изменения в моем настроении.

Опомнившись, я выдавливаю улыбку и качаю головой.

Лейси Уильямс пролетела с поступлением в колледж и два года назад, и год назад. Но я не знала, что она съехала от родителей. И уж тем более не могла предвидеть, что ее новый дом окажется через дорогу от Стефана Фейрстаха.

– Никто. До завтра, Стефан.

– Да ты прикальываешься, что ли? – закатывает он глаза.

И делает такое, от чего у меня волосы встают дыбом: он ступает на проезжую часть и направляется прямоком к девчонкам. Не придумав ничего лучше и достойнее – не нырять же под машину, что уж совсем жалко, – я разворачиваюсь спиной и утыкаюсь в черный дисплей собственного телефона. С тех пор как Джеймс уехал, машина у меня новая, и со спины Лейси меня не должна узнать. Я достаточно давно перестала ее доставать, чтобы она не пыталась заподозрить в каждой встречной блондинке Шерил Абрамс.

– Привет, красавицы, помощь нужна? – чуть ли не мурлычет Стефан.

– Эээ, привет, а ты...

– Буквально два дня назад переехал по соседству. Увидел, что вы тут машину разгружаете. Вдруг поделитесь тайным знанием, где в этом районе приличные заведения. Не то чтобы я любил готовить. Кстати, я Стефан.

Я зажмуриваю глаза. Сейчас они представятся.

– Бренда, это Лейси.

– Лейси, имя какое красивое. – Клянусь, он сказал это громче и эмоциональнее, специально для меня. Пользуясь тем, что Стефан этого никак не увидит, я улыбаюсь и слегка качаю головой.

– Спасибо, – кокетливо отвечает ему та. – Через две улицы бар, и он поблизости единственный. Хочешь заведение поприличнее – поезжай до аптеки и дальше по улице. Там есть фаст-фуд...

– А если хочешь еще приличнее, то заказывай доставку из ресторана. С пакетами мы сами справимся, Казанова. Тебя вон подружка заждалась, – перебивает Бренда явно вошедшую во вкус любительницу пофлиртовать.

– Сами так сами. Тогда забегайте как-нибудь вечерком на пиво. Я прямо через дорогу.

– Обязательно, – отвечает ему Лейси.

– Идем, – с нажимом проговаривает Бренда.

Ждать возвращения Стефана приходится недолго. Я едва успеваю засунуть телефон в карман, как он уже стоит около моего плеча и нараспев говорит:

– Случаются в жизни совпадения, скажи, Звездочка. Голову даю на отсечение, что у этой самой Лейси фамилия Уильямс. И что она не раз заглянет на пиво к такому обаятельному мне. Так что там еще у тебя было в закромах мне нужного, в обмен на информацию, которую я из нее вытяну?

Я разворачиваюсь.

– Иных секретов не имею, могу предложить искреннюю и всеобъемлющую благодарность...

Его взгляд опускается на мои губы. Если он сейчас потребует эту банальность, я фыркну и уеду. Все равно я уверена, что ничего у него с Лейси не получится.

– Серфинг, – огорошивает меня Стефан, не отрывая взгляд от моих губ. – Всегда мечтал попробовать. Выбери какой-нибудь выходной – и на весь день.

– Весь день? – начинаю я смеяться. – Ты хоть раз на доске стоял? Весь день...

– Стоял. И я не говорил, что весь день будем кататься. Я говорил, что мы не спеша доедем до крутого места, наберем фаст-фуда, от которого у тебя на лбу на следующий день вскочит первый в жизни прыщ и появятся недостойные греческих букв полфунта плюсом. – Я невольно начинаю улыбаться шире и искреннее. – Ты исхитришься сделать пару фоток меня на доске, чтобы эти бостонские неудачники обзавидовались... И сама еще что-нибудь придумай. Главное условие – чтобы было весело.

– Серфинг, – киваю я. Не так уж и ужасно. – Стефан, когда будешь говорить с Лейси, спроси про достопримечательности и упомяни маяк. Это случилось там. Но не упоминай про серфинг, пусть сама расскажет.

– Есть, мамочка, – хмыкает Фейрстах.

Я невольно ежусь от этой аналогии, обхожу машину и забираюсь на водительское сиденье. После сегодняшнего напряжения мне дико хочется залезть в ванну, включить легкую музыку и зажечь ароматические свечи.

Но, к сожалению, этим планам не суждено сбыться: около моего дома припаркована машина Майлза Докери.

10. Мы больше никогда не

Майлз пьет кофе с моей мамой в ожидании меня. Сегодня он выглядит великолепно, что я мысленно для себя отмечаю. Мне не всегда нравится, как одевается Майлз: он носит дорогие брендовые вещи, но зачастую это не смотрится стильно. Скорее скучновато. Докери в принципе довольно консервативны, причем во всем, и по манере одеваться это очень заметно. Но, пожалуй, это нормально. Не нужно забывать: то, что никогда не простят женщине, зачастую вызывает в случае мужчины лишь снисходительную улыбку, так что с Майлзом все в порядке.

Однако сегодня, как я уже сказала, он превзошел себя. На Майлзе белые брюки и рубашка, синий блейзер, из кармашка которого выглядывает платок тон-в-тон к красно-коричневым оксфордам. В этом наряде идеально все, даже рукава подогнуты в точности на ту высоту, на какую нужно. У меня привычно екает сердце, несмотря на общее раздражение от неожиданной встречи.

Все дело в разговоре между Бо и Джастином, который никак меня не отпустит. То, что я не подала вида, не означает, что меня не задела их слова. И еще более стыдно, что их слышал новенький. Итак, эти двое знают и трещат на каждом углу, а теперь знает и Стефан. Несложно догадаться, что скоро весь университет будет судачить о моей сопливой влюбленности в Майлза!

Кто им сказал? Я боюсь, что это был он сам. Потому что, ну, больше никому. Хотя какая теперь разница? У меня все равно нет выбора, кроме как вырвать эту болезненную увлеченность Докери, как сорняк. Какой бы безупречной я ни была, теперь уже совершенно очевидно, что между нами с Майлзом уже ничего не изменится. После вечеринки у Зака Эммерсона я надеялась. Ждала жеста, намека, поцелуя, да хоть предложения сходить вместе еще куда-нибудь. И когда этого не случилось – почувствовала себя все той же глупой, безнадежной четырнадцатилеткой. Думаю, для Майлза я такой и останусь.

Непривычно.

– Привет. Ты приехал ко мне? Следовало позвонить, – начинаю я, входя в комнату и даже не давая никому опомниться.

У мамы глаза на лоб лезут. Она привыкла, что ее местами слишком прямолинейная дочь с Майлзом ведет себя как шелковая.

Впрочем, Докери тоже оглядывает меня с легким недоумением. Но, полагаю, вовсе не потому, что я непривычно резка. Представляю, что он видит: растрепанные волосы, кое-как забранные в хвост, темную одежду, не добавляющую мне привлекательности, макияж, который я не поправляла с университета, и даже зачем-то размазанную Стефаном помаду. А еще если он подойдет ближе, то почувствует запах сигарет. Снова. Не знаю, что курит Стефан, но оно крепкое, а запах впитывается намертво.

Я еще никогда не представала перед Майлзом Докери в таком виде. Нынче многое в новинку.

– Не переживай, я здесь всего с четверть часа. Мне не было сложно подождать. У тебя замечательные родители.

«Замечательные родители» в его исполнении звучит как «занимательные питомцы». Как у Майлза получается передавать такую разницу одной интонацией – для меня загадка. Впрочем, будто я не знаю, что люди вроде Абрамсов для Майлза как питомцы. Прикормленные.

Встряхнув головой, я стараюсь прогнать неприятное сравнение.

– Хотел убедиться, что после вечеринки ты в порядке. Голова больше не болела?

Я уверена, что спросить он хочет не об этом, но при моей маме упомянуть Зака Эммерсона равносильно катастрофе. Она снова начнет плакать и замыкаться в себе. Мы с отцом более сдержанные в проявлении эмоций, и потому кажется, будто нам пришлось куда проще. Это

если исключить тот факт, что я наломала дров и чуть не вылетела из университета, где у меня, к слову, полная стипендия. Но все равно, в отличие от мамы, я не плакала – нет.

– Я в порядке, – отвечаю я так же, на оба вопроса.

– Расскажешь, куда ездила? – с мягкой улыбкой, не касаясь глаз, спрашивает Майлз.

– К знакомым, – пожимаю я плечами неопределенно.

– Милая, мы как раз обсуждали с Майлзом вопрос о продаже мотоцикла Джеймса... – начинает мама осторожно.

Услышав об этом, я мрачнею. Понятно, почему мне ничего не сообщили. Родители боялись, что я откажусь от этой идеи из-за возможного возвращения брата, но ничего подобного. Я и сама начала приходить к мысли, что мотоцикл никакой не символ и скоро застоится и потеряет всю свою ценность вместе с работоспособностью. В конце концов, любимый мотоцикл – невысокая цена за косяк Джеймса. Переживет.

– Вы обсуждали это с Майлзом или с папой?

– С папой, а теперь и с Майлзом.

– А со мной почему не посоветовались? У меня полный университет знакомых, каждый из которых будет счастлив получить от меня небольшую услугу за оценку стоимости мотоцикла. Продажей я займусь сама. К чему вешать этот вопрос на Майлза?

На самом деле, когда я думаю о мотоциклах, мне в голову приходит один лишь Стефан Фейрстах, но именно он объявил, что у меня не найдется того, что ему нужно. Едва ли ему понадобится еще один день моего внимания к его доске для серфинга. Ничего, это не та проблема, из-за которой стоит снова и снова заискивать перед Докери.

Мама обращает испуганный взгляд на Майлза, но тот даже не замечает. Он пытается вскрыть мне голову взглядом в попытке понять, что за муха укусила его покладистую воздыхательницу. Это не то, на что я надеялась, затеявая сегодняшний жесткий разговор. Меня слишком бесит мысль о том, что он обсуждал меня с Масконо или другими друзьями.

– Майлз, я в порядке, – улыбаюсь я надменно, уголками губ, как часто делаю в университете, но никогда не позволяю себе в разговорах с ним. – Ты будешь в пятницу на вечеринке Джастина?

– Да.

– Прекрасно. Там и увидимся. А теперь простите, мне нужно привести себя в порядок к обеду.

Оценивать реакцию мамы и Майлза я не планирую. Но и уйти, как собиралась, у меня не получается. Докери не из тех, кто молча терпит неподчинение. Едва я успеваю взобраться на пару ступенек, как он меня догоняет.

– Как ты? – негромко спрашивает он, и я напряженно оборачиваюсь к нему. – Боялся, что после встречи с ублюдком ты наделаешь глупостей.

– Я знаю. Но я в норме.

Поймана с поличным с парнем в туалете, спряталась за створкой его шкафчика, прикрытая потной обнаженной татуированной спиной, побывала у него дома, развязала скандал между университетскими клубами.

– Ты ведешь себя непривычно. И от тебя пахнет сигаретами.

Спасибо хоть не сказал, что выгляжу как обкуренная рок-звезда, ведь так и есть.

– Майлз, обычно я веду себя именно так. А сигаретами от меня пахнет, потому что я была не одна. И сейчас мне ужасно хочется смыть с себя этот запах. Я не слетела с катушек из-за Джеймса снова, если ты на это намекаешь.

Некоторое время он молчит, а я невольно и жалко таю под его взглядом. Чертовски красивые у него глаза. Ярко-ярко голубые, и загорелая кожа лишь подчеркивает это. Примерно с год назад он купил дом прямо на побережье и теперь может загорать на собственном крыльце под шум прибора. Полагаю, этим он и занимается.

– Ты поддерживаешь связь с братом? – вдруг спрашивает Майлз.

– Нет, – вру я без запинки.

Или почти вру. Он звонил мне однажды. На день рождения в прошлом году. Координат не оставил, но через месяц, на мое совершеннолетие, я совершенно точно снова жду его звонка.

– Жаль, Шерил. Потому что лучше бы тебе велеть ему вернуться и прибраться за собой собственными силами.

Велеть. Прибраться за собой. Может, он и Докери, но кем, черт побери, себя возомнил, чтобы говорить в таком тоне о Джеймсе?!

Я спускаюсь ниже, оказываясь почти лицом к лицу с ним:

– Майлз, мне очень жаль, если я как-то и когда-то своим поведением натолкнула тебя на мысль, что ты имеешь право судить членов моей семьи или влезать в отношения между нами. Это не так. И лучше нам будет больше никогда не обсуждать моего брата.

Внутри меня все разрывается от боли понимания, что только что я уничтожила последнюю надежду на какие бы то ни было отношения с Майлзом. Но все к лучшему. Больше. Никакого. Докери.

Пометавшись по комнате из угла в угол минут с пять, я хватаюсь за телефон и набираю номер Аманды:

– Я знаю, каким будет задание для грядущего посвящения.

11. Бордель Масконо

У Джастина Масконо отличный дом, но после стольких вечеринок он у меня ассоциируется исключительно с блюющими по углам студентами. Не знаю, что за дивная женщина каждый раз дочиста отскребаёт эти комнаты, но я бы на ее месте либо запросила гонорар как за съемки в фильме со средним бюджетом, либо давно уже уволилась, подала в суд и требовала компенсацию... как за съемки в фильме со средним бюджетом.

Что подозрительно, оставшиеся от недели два дня прошли на удивление мирно. За исключением того, что сестринство решило, будто я сошла с ума. Не все положительно приняли идею испортить отношения с братством. Нет, в каком-то смысле я девчонок понимаю: если исключить «братьев», спать станет попросту не с кем, но меня мало волнуют их сложности в этом вопросе.

Джастин перешел черту, которую переступать никогда нельзя. И дело не в грязных сплетнях обо мне и даже не в хеллоуинском дресс-коде. Дело в смонтированной фотографии. Именно так я у своих девчонок и спросила: хотят ли они, чтобы их лицо появилось рядом с чьим-то членом, прилепленное к чужому телу. Ведь велика вероятность, что к следующему разу Джастин узнает, что такое «рефлекс», и мы уже никак не докажем, что не отсасывали кому-то всем коллективом. Без экспертизы и зала суда, где встретятся адвокаты, требующие огромные деньги за свои услуги.

После этого девчонки пыл поумерили и даже перестали намекать, что я просто обижена на весь мужской род из-за случая со Стефаном. Кстати, вот и пример того, с кем можно спать, исключив из списка братьев. Потому что, кажется, этот парень гарем себе собирает. А любимой женой заделалась девчонка, ожидавшая его у мотоцикла параллельно со мной. Каролина, кажется. Но и других Фейрстах вниманием не обделяет, причем количество – последнее, что его волнует. Уже прошел слухок, что и предпочитает он... по несколько сразу.

Я стараюсь не обращать на это внимания, но полностью абстрагироваться не выходит. Потому что еще нескоро похождения Стефана перестанут ассоциироваться с нашей встречей в женском туалете.

Вот и сейчас, попивая свое пиво у бассейна, я зачем-то поглядываю на него, развалившегося в одном шезлонге с девицей, которой Фейрстах шепчет что-то на ухо, поглаживая ее бедро. Вечеринка у бассейна, большинство девчонок в крошечных бикини. Совсем как та, что почти улеглась на Стефана. Не пойму, зачем Масконо понадобилось раздевать нас на Хеллоуин принудительно. Сегодня можно запросто разглядеть в подробностях любую из присутствующих задниц. Зачем продолжать? Унижения ради?

– Я так понимаю, давая Веронике задание разузнать о людях, которые разбираются в стоимости подержанных мотоциклов, ты имела в виду вовсе не его, – замечает Клэр мой взгляд.

– А ты считаешь, он разбирается? – спрашиваю я, даже не делая вид, что не поняла, о ком речь. – По-моему, он умеет только пользоваться.

– Ты сейчас про мотоциклы? – спрашивает Клэр со смешком, и я пожимаю плечами. Конечно не о них.

Вечеринка началась в пять часов вечера, после пар, и сейчас мы наслаждаемся последними лучами солнца под грохот музыки, лежа в шезлонгах. Подтянув повыше очки, я лениво наблюдаю за Бо, который лижется с развратного вида чрезмерно загорелой брюнеткой, у которой зататуирована вся рука. Его секс-формат ясен: как можно доступнее, чтобы поменьше напрягаться.

– Смотрите, Майлз, – восклицает Аманда из шезлонга по другую руку от меня. – А кто это с ним?

Внутри меня все промораживает, когда я медленно и намеренно-лениво поворачиваю голову в сторону дома. Но хотя бы голос звучит ровно:

– Без понятия.

Я не делаю вид, что мне неинтересна личность новой подружки Майлза. Все ее рассматривают, с большей долей вероятности мое неровное отношение к этому парню выдаст не что иное, как показушное равнодушие. Приглядевшись, я обнаруживаю, что с Майлзом явилась девица, которую Зак Эммерсон сбросил со своего кресла. Инста-кукла высшей пробы. Интересно, он ее начал клеить прямо на вечеринке, куда пришел «со своей девушкой Шерил»? Чуть позже? Или уже после того, как я велела ему не обсуждать моего брата? Мне всегда больно видеть его с другими девчонками, но с ней – особенно, потому что именно в *этом* его поступке видится его настоящее отношение ко мне. И он пришел с девкой Зака, прекрасно зная, что мне придется держать лицо. Иной причины превращать эту куколку в трофей, который переходит между богатенькими мальчиками, я не понимаю. И все равно обидно до алых искорок в глазах.

– Платье просто шикарное. Когда стемнеет и включают подсветку у бассейна, будет выглядеть еще эффектнее, – щебечет Аманда, а мне становится даже интересно: она искренне не знает о моей симпатии к Майлзу или пытается задеть побольнее?

Во рту горчит от собственного бессилия. У меня есть всего две заветных цели, которых я не могу достичь. Это правда о Джеймсе и Майлз Докери. Остального я добила. Но самое-самое все время ускользает из рук.

Когда Майлз с подружкой подходят к шезлонгам, каждый из которых занят, одна из парочек уступает им места по собственной инициативе. От зрелища раздевающейся блондинки меня отвлекает плеск воды. Стефан с подружкой переместились в бассейн, и теперь каждый желающий может рассмотреть его шикарную татуировку.

– Что это у него на спине? Жуть какая, – комментирует Аманда. – Если уж мучиться на столе татуировщика, то ради чего-то красивого.

– Это – красиво, – не соглашаюсь я, вскидывая брови. – Или, по-твоему, хороши только веточки сакуры?

У Аманды на плече имеется одна такая.

– Ты действительно так думаешь или тебе просто понравился массачусетский мальчик?

– Считаешь, я буду говорить не то, что думаю, лишь бы другие не приписали мне то, чего я не чувствую? – уточняю я.

– Ты всегда так сложно говоришь, Шерри. Сразу видно – дочка ректора.

Я мучительно прикрываю глаза. Эта тоскливая вечеринка только началась, а мне уже дико хочется уехать. Я снова перевожу взгляд на Майлза, который теперь лежит в шезлонге. Я видела его без рубашки достаточное количество раз, чтобы быть готовой к этому зрелищу, но все равно чувствую смущение и непривычную сухость во рту. Может, он и не самый красивый парень, но круче подавляющего большинства здесь собравшихся, и моему самообладанию эта мысль совсем не помогает.

– У меня закончилось пиво. Схожу.

– И мне захвати, а то так лень.

подавив порыв принести Аманде пиво и вылить прямо на голову, я направляюсь в дом и набираю себе полный стакан, чтобы едва ли не врезаться в дверях в очередных двух сплетниц:

– По-моему, он сейчас отымеет ее прямо в бассейне.

Я знаю, о ком они. Едва ли Стефан с подружкой успели за пять минут моего отсутствия вылезти из бассейна. Они были слишком *заняты друг другом*.

– Чему ты удивляешься? Каролину он поймел на бильярдном столе, и она сказала, что это был лучший секс в ее жизни.

Меня накрывает ярким, взрывным раздражением, от которого отделаться просто не получается.

– Лучший секс в жизни сейчас устрою вам я, если не уберетесь с дороги.

Они подпрыгивают и резво освобождают проход, а я пытаюсь понять, что именно на меня нашло. Обычно я не кидаюсь на людей, замешкавшихся в дверях. Должно быть, эта неделя вымотала меня настолько, что не осталось сил на нормальные, взрослые реакции в ответ на совершенно безобидные вещи. Фейрстах, Эммерсон, Докери и Масконо – четыре всадника моего персонального Апокалипсиса.

– А мое пиво? – жалобно тянет Аманда. Хорошо хоть не требовательно.

– Ох, я забыла, – изображаю я улыбку, в которой ни капли раскаяния.

Если она думает, что после всех тех гадостей, что она мне говорит, я стану таскать ей напитки – она ужасно ошибается.

– Ладно, схожу сама, – вздыхает Аманда, как будто даже не расстроившись.

– Развлекаешься? – хмыкает Клэр, проводив ленивым взглядом удаляющуюся фигуру девушки, которая непонятно по какой причине вообще хочет с нами двумя дружить. Совершенно очевидно, что она никак не вписывается. Надо найти нам в компанию четвертую. Станет Аманде лучшей подружкой. Или свалит с ней от нас подальше.

– Напротив, мне ужасно скучно, – возражаю я, переводя взгляд на Майлза, помогающего блондинке Зака намазать кремом от загара спинку.

– Тогда самое время потанцевать.

12. Самолюбие

Танцевать я обожаю. Но с тех пор, как бросила чирлидинг и помешалась на общественной деятельности, делаю это обычно в своей комнате с плеером в ушах. На вечеринках сестринства всегда полно забот, расслабиться не выходит. Однако вот чужие – тот редкий случай, когда можно просто отрываться и ни о чем не думать. Они для этого и созданы. Но все равно что-то не срастается. Непривычная атмосфера общей враждебности давит, не позволяя расслабиться и отдаться танцу.

Когда на бедра сзади, благо поверх пляжного платья, ложатся чужие руки, я сначала дергаюсь, но, быстро узнав Масконо, решаю ничего не предпринимать. Он как тот самый прыщ после фастфуда, о котором говорил мне Фейрстах: давить нельзя, нужно просто перетерпеть. Со временем сам пройдет.

– Как тебе вечеринка? – спрашивает Джастин.

Вообще-то, мое стремление говорить правду вместо удобной другим лжи давно известно, и я не совсем понимаю, почему мне до сих пор задают подобные вопросы.

– Одна из самых скучных, что у тебя была, – отвечаю я.

– Еще не вечер, скоро все напьются и...

Начнут блевать по углам его шикарного дома. Вот тогда станет весело.

Но вслух я этого не говорю. Когда-то давно мама намекала мне, что девушке следует быть мягкой, ибо мужчины не любят жесткости. Но если у мужчины проблемы с тем, чтобы справиться с чем-то тверже плеча, то у меня для него плохие новости. Терпеть не могу притворяться, что мне что-то не по зубам ради того, чтобы другой человек почувствовал себя героем. Наверное, именно в этом причина моей влюбленности именно в Майлза. Он-то ни в чем мне не уступает. Кроме умения танцевать, судя по тому, что я сейчас наблюдаю. В этом он может поспорить разве что с фонарным столбом.

– Шерри, – тем не менее мурлычет мне в ухо Джастин. – Нельзя же быть такой колючей. – Он обнимает меня за талию крепче и начинает двигаться, заставляя меня повторять его движения. – С тех пор, как прошлым летом выпустился Истхолд, у тебя же никого не было. Неужели не одиноко?

Кристиан Истхолд считался самым красивым студентом нашего университета начиная с восьмидесят пятого года. Именно поэтому я обратила на него внимание. В слабой надежде, что Майлз приревнует. Крис был эталоном братства: зачесывал назад светлые волосы, носил клетчатые брюки и завязывал на плечах джемпер. Нас называли идеальной парой, каждое свидание мы шли в ресторан, театр или на концерт, потом совершали небольшую прогулку – во время которой я всегда несла букет белых роз, господи, как же я их с тех пор ненавижу, – а заканчивали вечер у Кристиана дома. Секс был скучный и пресный. Скучать по нему у меня вообще не выходит. Это тот самый случай, когда лучше не терять девственность, чем терять ради такого и потом задаваться вопросом, с кем из вас троих что-то не так: с тобой, с ним или, собственно, с самим сексом.

Еще до того как Кристиан вернулся в свой Майами после выпуска, я сказала ему «чао» и укатила в месячный тур по Европе с Клэр. Вот где было весело и совсем не одиноко. У Клэр куда более свободные представления об отношениях. Не в смысле распутства: просто она без загонов. И ни в кого не бывает влюблена дольше пары недель. И я позволила себе отдохнуть от той роли, которую для себя выбрала. Как итог, мы едва ли не в каждом городе-остановке находили себе отличную компанию, из которой сбегали прежде, чем дело начинало пахнуть чем-то серьезным. Мы просто развлекались, фоткались и переполняли эмоциями свои инстаграммы на зависть подписчицам и Аманде в частности. И мне безумно понравилось. Такой легкости я не испытывала уже очень давно... И она бесследно испарилась, стоило мне прямо

по приезде увидеть Майлза Докери с очередной подружкой на развороте газеты. Только тогда и стало одиноко.

Я бросаю невольный взгляд вбок на спину девушки, тесно прижимающейся к Майлзу. Двигается она так себе, но платье, как и предсказывала Аманда, делает всю работу за хозяйку. В свете бассейной подсветки оно выглядит просто потрясающе, заставляя окружающих пожирать глазами счастливую обладательницу. Впрочем, любая девица, получающая доступ к телу и счету Майлза Докери, становится априори выше критики. По крайней мере, на какое-то время.

– Мы могли бы составить отличную пару. Ты возглавляешь сестринство, я – братство, – назойливо продолжает Джастин.

– Ты подставил меня с тем фото, – напоминаю я.

– Ты просила компромат, я сделал то, что ты просила. Все честно.

– Честно? Я не ожидала, что нужно уточнять: компромат, который не выставит меня дурой перед всем университетом.

– Да брось, у тебя отлично получилось размазать эту Тони или как там ее.

– Джастин, – оборачиваюсь я, прерывая танец. – Ты совсем не понимаешь, как это работает, или прикидываешься? Я попросила тебя об услуге, я согласилась на названную цену. Но ты выставил меня отчаявшейся лгуньей, и мне пришлось отбиваться от новых обвинений в свой адрес. Я просила тебя решить одну маленькую проблему, а ты мне их добавил. И после этого ты мне предлагаешь отношения?

Вдруг он издает смешок. Презрительный смешок парня, который ни в грош не ставит девчонку.

– Ты думаешь, что такая уж особенная, Шерри-Шерри? Вон, смотри, какая ты особенная. – Он берет мое лицо в руку и разворачивает его, заставляя увидеть, как Майлз шепчется со своей инста-куклой. – Носишься со своей неумной гордостью, будто у тебя между ног как-то по-другому устроено. Спустишься с небес на землю. Вы все взаимозаменяемые. Тебя же хотят только потому, что ты такая вот недоступная сучка. Подозреваю, после первого же раза от этого наваждения и следа не останется? Скорее всего, я угадал. Ты уже давала Майлзу? Поэтому он на такую конфету даже не смотрит?

Бывают в моей жизни моменты, когда мне дико хочется увидеть себя со стороны. Например, когда кажется, что я контролирую свое лицо, но на самом деле понятия не имею, какое зрелище представляю собой на самом деле. Подозреваю, всерьез меня опасаются именно из-за таких вот случаев. Знаю точно, что не становлюсь фантастическим монстром, у которого из глаз вырывается адское пламя: такое я бы заметила. Но вот, например, сейчас, прежде чем наградить меня нервной конвульсивной улыбкой, явно задуманной как полной превосходства, Масконо сглатывает ком в горле. Вот чем я, миловидная зеленоглазая блондинка, ухитряюсь доводить людей до такого состояния?

У меня в голове вертится пара десятков способов отбрить Джастина так, чтобы уполз от меня на коленках и еще неделю залечивал самолюбие. Но я не хочу, чтобы он сумел. В смысле, восстановиться. Я хочу его растоптать. Пройтись по самому больному, как он только что сделал со мной. А в этом случае нужно действовать аккуратнее. И точно не в состоянии тихого бешенства.

Я отхожу от Джастина, направляюсь в дом искать Клэр. Градус вечеринки действительно набирает обороты. Кругом висят друг на друге студенты. В воздухе отчетливо пахнет марихуаной, и мне это ужасно не нравится. Следует забрать Клэр и уехать, пока ничего не случилось. Но она обнаруживается на коленях у одного из парней из братства. Даже моя лучшая подруга решила, что воевать с Масконо глупо и бессмысленно. И я бы, может, ее и простила, если бы только что Джастин не размазал мое самолюбие тонким слоем по своему внутреннему дворику.

Все это время внутри меня тикает бомба с часовым механизмом, только и ждущая возможности взорваться. Если я никак ее не остановлю, то дом Джастина Масконо взлетит на

воздух вместе с половиной Калифорнии. Я это образно, конечно, но я действительно чувствую себя так, будто готова разобрать на молекулы каждого из здесь собравшихся. И нужно что-то сделать, что-то, чтобы этого не случилось. Но что?

Взгляд падает на новенького, вертящего в руках незажженную сигарету. И меня срывает.

– Отдай, – велю я, вырывая ту из рук Стефана, отбрасываю в цветочный горшок. – Иди за мной.

В глазах Стефана Фейрстаха появляется металл. Верно. У меня нет никаких прав с ним так разговаривать. И причин следить за тем, что и где он курит. Но об этом ему сейчас лучше промолчать. Я собираюсь предоставить ему возможность поквитаться со мной немного позже.

Ни на кого не глядя, с видом королевы, я пересекаю двор Джастина Масконо. За прошедший год я уяснила, что, совершая абсурдные поступки с невозмутимым лицом, можно избежать как минимум половины последствий. И внимания.

Даже если собираешься переспать с первым попавшимся парнем едва ли не на глазах у всей вечеринки, просто чтобы не сделать чего-то худшего.

13. Запутавшаяся в рыболовной сети

О сарайчике, где отец Джастина держит снасти, мне известно еще со школы. Когда-то Масконо пытался научиться кататься на доске, и хранил ее там же. Туда я и направляюсь вместе со Стефаном. Он так же зол на меня, как и я – на весь мир. Но в данный момент меня все устраивает.

– Совсем тормоза рвет, а, Звездочка? – рычит он, без возражений заходя внутрь сарайчика и прикрывая дверь. Внутри света достаточно, потому что в одной из стен имеется окошко.

Стефан замолкает, когда я, так и не развернувшись к нему лицом, развязываю пояс платья с запахом и бросаю его на край рыболовной сети, отчего-то натянутой так, что образует что-то среднее между веревчатым креслом и гамаком. Злость стекает с меня к пальцам ног, оставляя за собой легкий озноб. Зажмурившись на мгновение, я стягиваю верх от бикини, а затем и низ.

И оборачиваюсь, даже не подозревая, что увижу. Знаю, что если это будет снисходительная улыбка, то я рассыплюсь на месте от испытанного унижения. Однако он не улыбается. Выражение на лице Стефана мне вообще непонятно. Но то, что он ничего не делает... разве так должно быть?

Я отношусь к числу очень самоуверенных девушек, но иногда, очень редко, мне тоже страшно быть отвергнутой. И все из-за чертова Майлза Докери, который каждый гребаный раз выбирает не меня, позволяя окружающим говорить обо мне ужасные вещи. Но, черт возьми, я правда не понимаю, что со мной может быть не так. Наверное, у меня не такая убийственно-тонкая талия, как у девочки-трофея, но точно лучше кожа и длиннее ноги... Боже мой, да какая разница? Парни куда проще нас. Они не теми параметрами нас оценивают. Благодаря «братьям» я прекрасно о них осведомлена. Они называются «вдувабельна» и «невдувабельна». Я совершенно точно из первой категории. Не уродина весом меньше ста пятнадцати фунтов и возрастом менее двадцати пяти не может относиться ко второй. Тем более если она снимает одежду.

На слабеющих ногах я подхожу к Стефану. Его взгляд с заметным трудом поднимается от моей груди к приближающемуся лицу. И вдруг мой живот стягивает горячим напряжением. Внутри становится пусто и маятно. Я вдруг замечаю, насколько красивый парень этот Фейрстах. Не просто симпатичный, вкусно пахнущий и так далее, а именно красивый. Может быть, круче всех в этом университете. И уж точно красивее Майлза. Никогда не считала для мужчины особым достоинством все, что выше «привлекательный», но мое тело не согласно.

Мы встречаемся глазами в обоюдном потрясении друг другом. Он не пытается отстраниться, но и инициативы не проявляет, хотя едва ли можно назвать несогласием одно то, что моя напряженная грудь задевает его расстегнутую рубашку и он не делает шаг назад, избегая этого.

Последний дюйм я преодолеваю сама, привстаю на цыпочки и касаюсь его губ. Господи, что я делаю? Я совсем не ожидала, что действительно захочу *этого*. Я размыкаю губы в протяжной ласке, почти не обращая внимания на то, что он мне не отвечает. Откуда-то я знаю, что могу его соблазнить. И он поддается. С шумным выдохом, размыкает мне языком зубы. От такого напора я невольно теряю равновесие и хватаюсь за его шею руками, чтобы удержаться. Это сложно: ноги совсем непослушные. Прохладную обнаженную кожу груди обжигает раскаленным прикосновением чужого тела.

И тут Стефан отступает от меня, будто обжегшись. Руки он держит по сторонам, открытыми ладонями наружу, будто чтобы меня ни в коем случае не коснуться. Ничего не понимая, дезориентированная и до глубины души уязвленная, я шагаю назад, с трудом преодолевая желание прикрыться.

– Нет, – говорит он твердо, но хрипло.

Пережив свое личное фиаско, я пытаюсь собраться и произнести со всей холодностью:

– Да что у тебя за проблемы? – Но голос дрожит и едва подчиняется. – Не помню, чтобы называла тебя Стивенем, а на остальное тебе вроде плевать.

Стефан недоверчиво встряхивает головой.

– Звездочка, даже такой бесппроблемный и плюющийся на все, как я, заслуживает того, чтобы явиться не просто средством отмщения Майлзу Докери. Я ведь правильно запомнил имя?

Ответить я не пытаюсь. Не уверена, что голос не сорвется. Да и что мне сказать? Прекрасно, что Стефан никогда не узнает: о Майлзе во время поцелуя с ним я даже не вспомнила. И это самая болезненная часть произошедшего. Я совершенно не ожидала, что мне настолько понравится целоваться с парнем, перецеловавшим каждую на то согласную девчонку кампуса и подарившим *Каролине* «лучший секс в ее жизни». С другой стороны, не в этом ли его секрет, раз даже меня проняло? Никогда не любила целоваться, разница между тем, что я чувствую во время поцелуя, и другими ласками слишком велика. Но не в этот раз. Или... не знаю. Кроме поцелуя ведь ничего не было. Он меня даже не коснулся.

– Выход там, – киваю я на дверь сарая, едва сдерживая злые слезы. С каких пор я не справляюсь с управлением собственной жизнью?

Но Стефан не уходит. Почему он не уходит? Он все сказал, все понятно. Ничего не будет между нами. Он делает шаг ко мне. Достаточный, чтобы от крошечного свободного пространства сарая ничего не осталось, хоть я и отступаю. У меня расширяются глаза. После того, что он сказал, я понятия не имею, чего ожидать. Непривычный темный взгляд останавливается на моих губах, Стефан касается нижней пальцем и говорит хрипло, едва слышно:

– Открой.

По коже пробегают предательские мурашки, и я не уверена, что смогла бы противиться, даже если бы попыталась. Рот раскрывается, и между моих губ проскальзывает палец. Это странно, ничего подобного я никогда не делала, не делал и никто со мной. Смешно, но, возможно, это самый эротичный момент в моей жизни. Я касаюсь шершавой подушечки пальца языком, увлажняя ее. Это вообще единственное, что мне приходит на ум. И во все глаза смотрю на Стефана, который с усилием сглатывает ком в горле. Он убирает палец и вдруг опускает руку к моей груди и обводит этим самым влажным пальцем вершинку, задевая ногтем сосок. Сладкая дрожь простреливает тело, оседая внизу живота. Из легких вырывается потрясенный вдох, и веки вздрагивают, силясь сомкнуться от удовольствия. Только усилием воли я не позволяю себе со стоном запрокинуть голову.

Слабо улыбнувшись, на этот раз Стефан отступает и дергает дверь. Прежде, чем выйти, он бросает на меня тоскливый взгляд, отчего, как бы я ни пыталась, чувствовать себя униженной – не выходит. В конце концов, это я его собиралась использовать, жестоко, ни в чем не разобравшись. А то, что это оказалось совсем не так, как я себе представляла, – только в плюс.

Парень уходит, а я буквально падаю в рыболовную сеть, позволяя своему непривычно тяжелому, непослушному телу обмякнуть. Прикрыв глаза, я всего на одно мгновение представляю, как это могло бы быть. И шумно сглатываю. Стыдливо и несмело, я касаюсь пальцами себя внизу живота и поднимаю их к слабому лунному свету, льющемуся из окошка. Они блещут от влаги.

14. Пловец, доктор и ожидания

Из состояния ступора меня выводит понимание, что в сарай в любой момент могут войти. Если бы не это, я бы с удовольствием провела на жестких веревках всю ночь. Или до окончания этой ужасной вечеринки. Клэр там нет. Она, должно быть, развлекается с одним из “братьев” в комнате наверху. А остальных и видеть не хочется.

Я не без труда справляюсь с завязками от бикини, натягиваю и оправляю платье и, отдышавшись настолько, чтобы вернуть себе прежний вид меня-ничто-не-трогает, покидаю сарайчик.

Ситуация за время моего отсутствия изменилась. Сейчас на небольшом пяточке между домом и бассейном не протолкнуться: вот теперь вечеринка набрала нужный градус. Первым делом мой взгляд натывается на Аманду, которая строит глазки Масконо. Мне вот даже интересно: мои подружки лучше всех знают, на что я способна, но при этом уверены, что я остыну и отступлю в отношении братства? Почувствовав ожог чужого взгляда, я поворачиваюсь и вижу Стефана, в танце обнимающего сзади девчонку, которая крутилась вокруг него целый вечер, но глядящего на меня. Мне чудится в его взгляде беспокойство и даже предостережение. Стоп, парень. Полчаса назад мы выяснили, что я – совершенно не твоя забота.

– Шер, слушай, – рядом возникает Джастин, явно кинувший Аманду, которая смотрит на нас с неприкрытой досадой. Он закидывает руку мне на плечи, заставляя передернуться от отвращения, и шепчет: – Я перегнул, хорошо? Давай забудем. Ну прости...

Он так близко, что я улавливаю запах марихуаны. Ах вот отчего он сорвался.

– Проехали, я не дуоюсь. Мне нужно переговорить с Клэр.

Я скажу что угодно, лишь бы он перестал меня касаться, и то, что я вижу, наконец, подругу, – кстати.

– Ну? Ничего не хочешь рассказать?

– Шер, – краснеет она.

– Я внимательно тебя слушаю.

– Мы с Тайлером думаем начать встречаться. Прости. – Джастин извинился, Клэр извинилась. А Стефан извинился? Нет, этот кретин даже не извинился. – Да и сама посуди, пару дней назад ты просила Джастина помочь тебе. Да, он накосячил, но...

И обсуждал меня вслух в женской раздевалке, а сегодня открыто объявил, что я «сука на один раз». Хрен ему, а не мое прощение.

– И на Хеллоуин сверкать задницей пойдешь?

– А вот это как раз заслуга не Джастина. Ты пыталась прикрыть свою задницу, оголяя наши.

Осознав, что сболтнула, она ойкает и зажимает рот ладошкой.

– Прости, Шер, я пьяная, я сама не понимаю, что несю. И почему у тебя так криво повязано бикини? – указывает она на перекосившийся узел.

От этого вопроса я бледнею, но не успеваю придумать никакого внятного ответа, потому что раздается оглушительный плеск воды и громовой хохот.

– Питер, идиот, ты там ничего себе не отбил?! – орет Бо.

Видимо, парень шлепнулся животом о воду. Я невольно морщусь, вспоминая из детства, как это больно. Вот только проходят секунды, а Питер не выныривает.

– Пит? – куда менее уверенно зовет Бо.

– Вытаскивайте его скорее! – орет Джастин. – Он, должно быть, совсем обдолбался!

Я подлетаю к бассейну в тот же момент, когда несколько парней, в том числе Бо и Стефан, бросаются в воду за Питером. Его вытаскивают совместными усилиями, он висит мешком, явно

неспособный стоять самостоятельно. Лицо у него синюшное, как у покойника. Из бассейна его достают вчетвером и укладывают прямо на плитку.

– Здесь кто-нибудь проходил курсы экстренной помощи? – доносится из толпы.

Я могла бы помочь. В компании Джеймса мы все умели делать реанимацию. Потому что все серфингисты захлебываются, это закон. Но я медлю с ответом, потому что сначала хочу набрать девять-один-один.

– Шер, ты куда звонишь? – рычит Джастин.

– В скорую. Куда же еще? – огрызаюсь я.

– Сдурела? Нас всех исключат! И, кстати, тебя – в первую очередь, ты уже была на испытательном сроке.

Не представляю, откуда Масконо об этом известно, но новость производит эффект разорвавшейся бомбы. Ребята начинают шептаться между собой, забыв о Питере.

– Ты вообще соображаешь, что несешь? – спрашиваю я резко. – Тут парень умирает! Алло, у нас...

– Не надо скорую, я врач, – неожиданно протискивается мимо меня незнакомый парень, на мгновение понимающе сжимая мое плечо.

– Это мой брат, – шепчет тихонько татуированная подружка Бо. Кажется, ее зовут Майли. – Приехал меня забрать.

Она неловко улыбается мне, и я киваю в ответ. Звонок сбрасываю. Мы снова встречаемся глазами с Джастином. Он взбешен до предела. Это война.

– Помощь нужна? – спрашиваю я, подходя ближе к доктору-брату-Майли.

– Нет, – рывком отвечает он.

Но когда укуренный утопленник начинает откашливать воду, я все-таки помогаю перевернуть его на бок. Выкашляв часть воды, Питер отключается снова.

– Знаешь его? – спрашивает доктор.

– Это Питер Аштон, – киваю я.

– Сколько выпила?

– Пару стаканов пива, за последний час – ничего.

– Наркотики?

– Нет.

– Я Ноа Дейн. Поедешь в больницу как его временный представитель, нужно найти его родителей, сможешь?

– Легко, – вздыхаю обреченно. Кому еще заминать скандал с передозом на вечеринке университетского братства, как не дочке ректора?

Домой я попадаю только в третьем часу ночи. Мой отец не спит, вместо этого он зовет меня к себе, чтобы сказать одну-единственную фразу:

– Ты не представляешь, как я разочарован в тебе, Шерил.

Мне пришлось позвонить ему, чтобы узнать номера родителей Питера, и с тех пор, очевидно, отец готовил обвинительную речь.

Сколько бы я ни делала, чем бы ни жила и как бы ни пыталась через волевые усилия искупить ошибки брата и свои собственные, сделать родителей счастливее и спокойнее, заполучить Майлза... видимо, у меня просто никогда ничего не выйдет.

Я захожу в свою комнату, захлопываю дверь и начинаю тонуть в жалости к себе. Когда на телефон падает сообщение, я с трудом принимаю решение вообще его прочитать. Думаю, это доктор Ноа. Я попросила его держать меня в курсе глобальных изменений в состоянии Питера. Это не совсем законно, но, если ему резко станет хуже, хоть подготовимся.

Впрочем, когда я открываю сообщение, понимаю, что дно еще не было пробито, нет. Потому что на дисплее я вижу фотографию красивой, счастливой и улыбающейся Лейси Уильямс, кокетливо обводящей ободок пивной бутылки.

Стефан: «Надеюсь, после сегодняшнего ты не надумала увильнуть от нашего уговора?»

Нет конечно, Шерил Абрамс никогда не бежит от проблем. Она падает в них с размаху и гребет-гребет-гребет, пока не выгребет. Это совершенно нормально, что парень, ухитрившийся завести меня, как никогда в жизни, собирается трахнуть девчонку, из-за которой мой любимый брат свалил из штата, оставив меня барахтаться в здешнем дерьме в одиночестве. Да, быть может, Стефан что-то от Лейси и узнает. Быть может. Между «господи», «сильнее» и «еще». А значит, и выбора у меня нет.

О, Шерил Абрамс никогда не бежит от проблем. У нее на все один вариант: сделать максимально хладнокровный вид и грести дальше.

Шерил: «Не на этих выходных».

У меня есть серьезные опасения, что если я встану на доску на этих, то даже на самом мягком и глубоком дне найдется камень, о который я раскрою себе голову.

15. Зачем переезжать из Бостона в ЛА

Стефан

Подъезжая к своему дому на такси, я все еще пытаюсь изгнать из памяти образ Звездочки. Но она как яд распространилась по венам и не идет из головы.

Сказать, что я ни хрена такого не ожидал, было бы слишком мягко. Нет, я понимаю, почему так действовала Шерил. Этот убудок Докери с ней играет, и все об этом знают. Но она чуть не освежала девчонок после простой сплетни о туалетной кабинке – и вдруг решила подставиться вот так. Чтобы что? Все услышали, что ее в сарае трахает другой парень? Чтобы знали, что она вообще кому-то интересна? Большой бред сложно вообразить.

Уверен, что если бы тронул ее, пока она меня целовала, то точно бы наплевал на все принципы. Даже если бы она в стогах называла меня Стивенем или вообще кричала имя Майлза, меня бы ни черта это не остановило.

Какого я вообще ее отшил? Придурок. Из гордости? Хотел, чтобы Шерил Абрамс захотела видеть на месте меня именно меня? Отличный план. Можно подумать, я ни разу не делал так с другими девчонками. И мне было ок, а тут, понимаешь, как меня коснулось, оскорбился. Двойные стандарты? Да плевать! Не мог я по-другому. Когда она меня поцеловала, внутри будто все кишки переложило удобным ей образом. Я чуть не сдох от желания тотчас опрокинуть ее на жесткую рыболовную сеть. Без прелюдий, без защиты, плевав на последствия такого идиотского поступка, как секс в каком-то грязном сарае с отсутствующей звукоизоляцией.

Когда такси останавливается около моего дома, я шлепаю картой по терминалу и пулей вылетаю из салона, бормоча что-то между «наконец-то, блядь» и «слава тебе господи». Видимо, в мои планы входит лежать в кровати до утра и издыхать от воспоминаний о Шерил Абрамс разными способами, каждый из которых не понравится ни мне, ни вам.

Но у калитки дома я натываюсь на Лейси Уильямс с парой бутылок пива в руках. Первый час, для пива поздновато. И топ с открытой спиной дарит знание о том, что бюстгалтера на ней нет.

В голову стреляет воспоминание о груди Шерил, которую я все же на свой страх и риск тронул. Я бы скончался, если бы не тронул. Я бы себе этого не простил и за целый век. Кровь, с превеликим трудом частично возвращенная в голову, снова водопадом обрушивается в пах.

И перед моим домом Лейси. Никак не могу понять, то ли это божье благословение – на, возьми, успокойся, – то ли подстава века.

– Привет, – улыбаюсь я ей. – Надеюсь, ты не ждешь под окнами?

– Брэнда, видимо, решила, что я останусь у друзей. Ушла и закрыла дверь. А я без ключей. Ну и вот. Решила воспользоваться приглашением на пиво. Его принесла на случай, если у тебя нет, – весело и пьяно тянет она.

– Значит, я вернулся с вечеринки очень и очень вовремя, – отвечаю я.

На самом деле с большинством девчонок общаться легко и приятно. С симпатичными парнями, которые не начинают с ходу сыпать постельными шуточками, они не прочь весело пофлиртовать без последствий или же с минимальными. Но еще есть безупречная Шерил Абрамс, которая редко улыбается, еще реже ведет себя как нормальный человек... а потом вдруг без намека на переход сбрасывает одежду.

– Что за вечеринка?

– Студенческая.

– Учишься? – с интересом спрашивает она.

По возрасту я отношусь к пограничной категории, ведь мало кому известно, что я кинул учебу и начинаю чуть ли не с начала. И моложе своих лет я не выгляжу. Но после всех событий

в Бостоне какая мне юриспруденция? Тем более что пошел я туда только из-за отца и брата. Норту это подходит. А мне – совсем нет. Решил теперь переключиться на бизнес.

Но Лейси я все это не объясняю.

– Да, – улыбаюсь я и наконец-то достаю сигарету. – Не возражаешь?

«Отдай. Иди за мной».

Это когда-нибудь кончится?

– Ничуть, – так же незамутненно отвечает Лейси.

С тех пор как Шерил вытащила из моих пальцев сигарету, я за всю вечеринку так и не закурил. Необъяснимо. Зато сейчас каждая затяжка дарит просто нереальное удовольствие.

Выйдя из сарая, я был сам не свой. Прямо по пути меня перехватил Масконо и участливо поинтересовался, сильно ли мне влетело от «этой суки». Я едва сумел увести его подальше от сарая: советуя в ближайшее время не попадаться Шерил. Я почти не сомневался, что если он ворвется внутрь, то увидит ее голой. И едва ли все закончится мирно. Возможно, я ему после такого врежу. Мне тошно думать, что кто-то еще будет смотреть на Шерил. Хотя бы сегодня.

Звездочка просидела в одиночестве еще двадцать минут, а когда вышла, никто бы в жизни не поверил, что с ней случилось что-то особенное. Арктически холодно поговорила с Масконо, явно цапнула со своей подружкой-брюнеткой, а потом какой-то обкуренный придурок рухнул в бассейн и чуть не утонул. Когда Звездочка уезжала с доктором, видели бы вы, каким взглядом провожал их Майлз Докери. Шер вот точно не видела, иначе бы осталась и сплясала на трупе его сегодняшней подружки. Как не видела, что с тех пор как я вышел из сарая, я только и делал, что наблюдал за ней, едва обращая внимание на прилипшую ко мне другую девчонку. Лучше пусть объясняют мой стояк ее присутствием, а не тем, что натворила Шерри.

И вот я у себя дома, с Лейси Уильямс, которая, улыбаясь, сидит напротив и слушает истории об одной из самых хреновых вечеринок, на каких я побывал.

– Как тебе дом? – спрашивает она.

– Дом как дом, – пожимаю я плечами.

– Это лучший дом на нашей улице. Когда мы с Брендой подыскивали себе жилье, она завистливо вздыхала. Но аренда у него слишком дорогая.

Мой отец, зная, что однажды за него обязательно возьмутся, оперировал оффшорными счетами, открытыми на наши с Сейди – его женой – имена. В итоге, когда отец прогорел, как это ни смешно, полиция сумела добраться лишь до малой толики нажитого. Это тоже причина, по которой мне совсем не хотелось задерживаться в Бостоне и заставлять копов скрежетать зубами после каждой моей траты свыше ста баксов. Я на примере отца наблюдал, как служители закона подчиняются наводке. А новый губернатор штата лучше всех знает, откуда у меня такая свобода в средствах, это же он нам помог выкинуть отца из игры. Нужно ли искушать бедного мужика, вертясь у него под носом? Даже воспоминания о том, кому он несколько обязан своим новым назначением, со временем померкнут.

– И как? Ожидания оправдались? – спрашиваю я, лениво махнув куда-то вглубь помещения.

– Понятия не имею. Пригласи меня днем и проведи экскурсию.

Мы сидим за столиком на кухне и пьем пиво, принесенное Лейси. А она молодец: выдержала грань. Предложи она провести мне экскурсию сейчас – и показалась бы доступной. Не могу сказать, что меня такое отталкивает, но и уважения не вызывает.

– Обязательно.

– Ты здесь один живешь? – спрашивает она с интересом.

Так-так. Свернули на ожидаемую дорожку.

– Совершенно. Ни жены, ни подружки, ни здесь, ни вообще, если ты об этом, – подмигиваю я, кривя губы в улыбке. – Слушай, замри ненадолго.

– В смысле? Ты... ты что, фотографировать меня собрался?

– Должен же я заставить брата мне завидовать, – отшучиваюсь я.

Лейси смеется, качает головой, но потом покорно замирает с легкой улыбкой, оставив кокетливый пальчик на горлышке бутылки. Она красивая девчонка, прекрасно это знает и умело пользуется. Но даже близко не такая красивая, как Звездочка. Или я просто помешался?

Удовлетворенно цокнув языком, я прикрепляю фото к сообщению и набираю текст.

Стефан: «Надеюсь, после сегодняшнего ты не надумала увильнуть от нашего уговора?»

Лейси щебечет что-то еще, но я слушаю вполуха. Я жду, когда галочка сообщения поменяет цвет. Это происходит примерно через три минуты, в течение которых я едва могу думать о чем-то, кроме придурка, с которым уехала Шерил. Где они сейчас? В больнице? Или он повез ее дальше?

Звездочка: «Не на этих выходных».

Черт, она действительно собиралась слиться.

– Что ответил брат? – улыбается Лейси, легко поймав мое настроение.

Приходится виртуозно соврать:

– Ответила его жена. Говорит, если еще раз разбужу их дурацкими сообщениями, то на Рождество получу в подарок старую клюшку для гольфа.

Лейси смеется, хотя шутка так себе.

– Брат старший или младший?

Так, когда мы знакомились, я, видимо, не назвал ей свою фамилию. И стоило этого не делать хотя бы ради вот этого самого момента. Я медленно наклоняюсь к Лейси через столешницу, хищно улыбаясь. У нее становится такое понимающее выражение лица, будто она привыкла, что именно таким образом парни ее клеят. А я бы поспорил, кто тут кого клеит.

– Старший. На целых двадцать минут старше.

У Лейси отвисает челюсть.

– Близнец? Ты не шутишь? Вау. И вы, то есть, прям похожи? Не двойняшки?

Как там Звездочка сказала? Всем нравятся близнецы. Даже интересно, сколько еще я буду циклиться на этой паршивой девчонке с лучшей задницей на свете? Не странно, что на такую съезжалась посмотреть вся Калифорния во время чирлидерских соревнований. И убить бы Докери, ради которого она теперь прячет эту красоту под консервативными юбками. А впрочем, нет. Пусть лучше догадываются, а знают наверняка – единицы. И из их числа буду я.

– Я предпочитаю думать, что я симпатичнее, – хмыкаю, с трудом возвращаясь к беседе. – Но генетика утверждает, что мы идентичны с точностью до приобретенного жизненного опыта.

Мой опыт определенно хреневее. Но и веселее.

Лейси качает головой и допивает пиво. Оброненная капелька срывается с горлышка и падает ей точно в глубокое декольте. Ойкнув, девчонка трет ее пальцами, привлекая внимание к груди. Если она так же обхаживала Эммерсона, то мне искренне жаль брата Звездочки. Эта Уильямс чертовски обаятельная и совсем не выглядит заразой. Вон как краснеет щечками, поймав мой взгляд, направленный на ее грудь. Будто не сама только что натирала ее, лишь бы я заметил.

– Твоя очередь о себе рассказывать, – тычу я в нее пустой бутылкой пива и направляюсь к холодильнику за двумя следующими.

– Мы переехали с Брендой пару месяцев назад. Я получила новую работу, а отсюда до нее даже ближе.

– Училась? Нет? Сколько тебе лет?

– Двадцать один, – поднимает она бутылку пива. – Стоило, наверное, спросить до того, как меня спаивать.

– Я никогда не был силен в следовании букве закона.

– Я нигде не училась. Пролетела из-за... – Осекшись, она усмехается и грозит мне пальчиком. – С тобой на удивление легко проболтаться.

– Я не хотел лезть не в свое дело.

– Меня всю жизнь губили парни. И в итоге я решила с ними... с вами завязать. Предложила подруге снять жилье вместе, и вот мы переехали сюда, чтобы начать сначала после... после всего, что со мной случилось. Однако посмотри на меня, я сижу совершенно пьяная на твоей кухне, строю тебе глазки и пытаюсь не выдать всю свою подноготную.

– Так это же неплохо, Лейси.

И я это искренне. Именно таких девчонок все любят, именно из-за таких дерутся. Их инстинктивно хочется защищать. Только я один мечтаю, чтобы на месте этой веселой красотки сидела Шерил Абрамс, даже если она будет одета. Со Звездочкой сложно разговаривать, а защищать обычно приходится не ее, а от нее. Себя. Где вообще мои мозги? Я уехал из северного Бостона в яркий и солнечный Лос-Анджелес именно для того, чтобы избежать сложностей и найти себе сотню таких вот Лейси. И вот, полюбуйтесь. Спутался с девчонкой, завернутой в принципы и обязательства, как в луковую шелуху.

– Правда? – смущается тем временем моя гостья, вдруг поднимается со стула и идет ко мне. Приближается. Если честно, я понятия не имею, что сейчас мне делать.

Мы со Звездочкой договорились, что я вызнаю у Лейси про ее брата. И я предполагал, что флирт в этом поможет, но все равно никак не ожидал, что «задание в обмен на серфинг» окажется в моей постели. Зато она явно рассматривала такой вариант. Второй раз за вечер меня целует девчонка по ее личной инициативе в обход моей. А учитывая, в каком состоянии оставила меня Шер, наверное, стоило бы скинуть напряжение. Только происходит что-то совсем не то. Эффект от подкрашенных клубничным блеском губ совершенно противоположный. Поцелуй не возбуждает, не помогает. Ужасно пресно. Да что вообще за хрень со мной творится? Я некогда долго мечтал о подруге своего брата, но отлично справлялся с этими мыслями с помощью других девчонок. А оказалось, что бывает совсем по-другому. Убил бы Шерил.

Я мягко, но настойчиво отстраняю Лейси. Она выглядит обескураженной.

– Лейси, ты мне очень нравишься, но давай не будем торопиться. Тем более что мы оба пьяные.

– Что ты..? – С недоуменной улыбкой она трясет головой. – Ты совсем не похож на парня, который ищет серьезных отношений.

Я и не ищу. Я просто вляпался в другую девчонку. И не хочу ни одну другую. По крайней мере, пока.

– Это плохо?

– Непривычно. Мама всегда говорила, что у меня нюх на плохих парней.

– Твоя мама была права. Но зачем-то ведь я переехал в Лос-Анджелес. Ну так как?

Мысленно я сам от себя в шоке, потому что таким вот предложением «попытать счастья в серьезных отношениях», фактически, обрекаю себя на целибат. Или как минимум отсутствие случайных связей в собственном доме, ибо приведи я сюда другую девчонку – и ее обязательно засекут, но... Похоже, последнее, о чем мне надо сейчас париться, – отсутствие секса. Я бы мог им заняться хоть сейчас, притом что буквально полчаса назад все болело от этой вот готовности... Но Лейси меня поцеловала, и... в последний раз со мной такое случалось, когда Уитни назвала меня Стивеном, а до того – даже и не вспомню. Наверное, в самый-самый свой первый раз, когда я перенервничал.

– Л-ладно, просто, знаешь, неожиданно как-то. Ну, я, пожалуй, пойду.

Мне становится немного ее жаль, потому что этот разговор выходит до чертиков странным. Если бы мы встретились при иных обстоятельствах, я бы с удовольствием общался с такой девчонкой, как Лейси. Но все запуталось и перемешалось.

Но прощание она еще раз неуверенно тянется к моим губам. Я ее не разочаровываю. А сам только и думаю о том, чтобы написать Звездочке.

Стефан: «Как тот парень – Питер?»

Сообщение прочитано, но она мне не отвечает. Выругавшись, я с трудом удерживаюсь от того, чтобы разбить телефон.

16. Расследование, реанимация и разные реакции

Шерил

– Вы – представители двух наиболее престижных университетских клубов, а также их лидеры, – взгляд отца останавливается на мне. – Какой пример вы подаете остальным студентам?

Питера поставили на ноги к воскресенью, но не выписали. Доктор Ноа Дейн кинул мне весточку об этом достижении вместе с требованием выпить с ним кофе на неделе, раз уж он ради меня нарушил правила. Но в остальном дела плохи. Аштоны потребовали провести расследование этого «вопиющего случая». Мой отец, и без того готовый к плачевным последствиям вечеринки, долго думать не стал. Нас вызвали по громкой связи во время первой же пары в понедельник.

Взгляд отца останавливается на ком-то за моей спиной.

– Официально вечеринка принадлежала братству, но вопрос о том, кто именно пронес на нее наркотики, остается открытым.

Я холодею. Знаю, на кого он смотрит: на Стефана. Он в группе риска из-за Бостонской истории. Со стороны парня раздается презрительный смешок. Это действительно смешно, потому что Лос-Анджелес – место, где собраны все наркотики мира, ведь здесь сконцентрированы деньги. К нам просто нечего везти из Бостона. И собственных дилеров тоже хватает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.